ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 99 (2482) Суббота, 11 декабря 1948 г. Цена 40 коп.

За новое, против консерватизма

Социалистический строй, раскрепостив все живые, творческие силы народа, создал невиданные еще в истории человечества предпосылки для расцвета культуры, науки и техники. Новые люди—люди коммунистического сознания, свободные от рутины, дерзновенные в своих замыслах,— творят чудеса во всех областях науки, техники, производства. Радость свободного творчества в полной мере познали у нас академики и рабочие, инженеры и колхозники. Творчество присуще новому советскому человеку, как крылья присущи птице.

Волнующая сила романа донецкого инженера-металлурга В. Попова «Сталь и шлак» достигает наивысшего напряжения именно в тех страницах, где он рисует дела новаторов — героя романа инженера Крайнева, инженеров Макарова, Григорьева, старого сталевара-сибиряка Пермякова, руководителя комсомольской бригады Шатилова и др. В романе В. Ажаева «Далеко от Москвы» поэтично раскрыта характерная черта советского человека. Герои романа—советские строители, перед которыми была поставлена задача построить в неслыханно короткие сроки, в суровых условиях тайги нефтепровод, добились победы на путях массового творчества, смелых новаторских решений. Главный инженер Беридзе, инженеры Тополев, Васильченко, шофер Мохов, землекоп Зятьков вносят свое новое, творческое в решение больших и малых технических и производственных задач. Истоки их новаторства в пламенной патриотической любви к Родине, в неугасаемом стремлении сделать все для ее процветания, для победы над врагом.

Да, именно такова наша советская действительность. Сталинские планы строительства материальной базы коммунизма предусматривают полное использование всех современных нам передовых научных открытий. Великая цель, невиданные еще в истории человечества масштабы и темпы строительства порождают смелые идеи, новаторские решения.

На стройках, на колхозных полях и промышленных предприятиях, в научно-исследовательских институтах повседневно рождается новое. В одних случаях это новые машины и технологические процессы, в других — усовершенствованные методы организации труда, способствующие повышению производительности.

Когда возникла необходимость быстрее восстановить разрушенный немецкими захватчиками Донбасс, советские инженеры создали свою систему откачки затопленных шахт, позволившую в несколько раз сократить сроки решения этой государственной задачи. Советские инженеры осуществили казавшиеся фантастическими проекты скоростного восстановления взорванных домен, цехов, плотин гидроэлектростанций, мостов и т. д.

Успехи советской науки и техники велики. Мы гордимся ими.

Однако реализация изобретений и новшеств подчас недопустимо затягивается. Сегодня в нашей газете член-корреспондент Академии наук СССР тов. З. Чуханов поднимает весьма важный вопрос о недостатках в практике внедрения достижений науки и техники в жизнь, о необходимости создания мощной базы для проектирования и изготовления экспериментальных образцов новых машин и оборудования.

Ни в коей мере не следует затушевывать также значение борьбы с встречающимися еще у нас проявлениями косности, мещанского равнодушия и противодействия новому. «Всегда у нас что-либо отмирает в жизни. Но то, что отмирает, — учит нас товарищ Сталин,— не хочет умирать просто, а борется за свое существование, отстаивает свое отжившее дело...»

Мы видели, с каким поистине отчаянным упорством отстаивали свои позиции ретрограды в науке, поборники вейсманизма-менделизма, в своей безнадежной борьбе с новым мичуринским учением. А разве на путях нового в технике и производстве мы не встречаем подчас «умудренных опытом» консерваторов, упорно противодействующих новому?

В начале этого года «Литературная газета» выступила в защиту группы новаторов рижского стекольного завода «Саркандаугава», добившихся, вопреки «вековому опыту», небывалых еще в мировой практике скоростей вытягивания стекла на машинах «Фурко». Распространение этого опыта сулит удвоение производственной мощности стекольной промышленности. Но консерваторы из Главного управления стекольной промышленности задерживали распространение новых методов. Лишь под давлением общественного мнения консерваторы вынуждены были признать новое.

В продолжение нескольких лет лауреат Сталинской премии А. Рожновский упорно боролся за применение новой, легкой теплоизоляции для железнодорожных вагонов. Недавно это изобретение получило полное признание. Но странное дело, человек, который должен был всячески поддержать новое,—работник секции новой техники в Министерстве путей сообщений тов. Глебов, — всеми доступными ему средствами противодействовал новатору, дискредитировал его предложение. В одном из последних номеров «Литературной газеты» мы рассказали об изобретении инженера Гузеева, имеющем большое народнохозяйственное значение, сулящее во много раз увеличить скорость проходки стволов угольных и железорудных шахт. Десятки советских ученых положительно оценили это изобретение, но реализация затянулась на годы лишь потому, что начальник Главруды Министерства металлургической промышленности СССР тов. Мелешкин склонен считать смелую, технически обоснованную идею изобретателя «беспочвенной фантазией»!

В борьбе нового со старым новое у нас неизменно побеждает! Но консерваторы задерживают порой осуществление новшеств, сковывают самое драгоценное — творческую инициативу советских людей.

В докладе на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1948 года товарищ В. М. Молотов говорил: «Дискуссия по вопросам теории наследственности поставила большие принципиальные вопросы о борьбе подлинной науки, основанной на принципах материализма, с реакционно-идеалистическими пережитками в научной работе, вроде учения вейсманизма о неизменной наследственности, исключающей передачу приобретенных свойств последующим поколениям. Она подчеркнула творческое значение материалистических принципов для всех областей науки, что должно содействовать ускоренному движению вперед научно-теоретической работы в нашей стране».

Выводы из дискуссии по вопросам биологии должны сделать и работники технического фронта. Консерватизм в технике у нас нередко сводят только к явлениям канцелярско-бюрократического порядка и волокиты. Это неправильно. Корни консерватизма кроются и в теоретической отсталости некоторых наших хозяйственников, ученых, инженеров. Консерватизм, как правило, свойственен людям, не преодолевшим пережитков буржуазного сознания, одержимым боязнью нового, неверием в творческие силы масс, в таланты наших людей. Непримиримую борьбу с консерваторами, с зажимщиками нового необходимо сочетать с выкорчевыванием этих буржуазных пережитков в сознании иных руководителей — пережитков, гирями висящих на ногах нашей техники.

Лучшие произведения советской литературы посвящены отражению борьбы нового со старым, борьбе за новое, за его победу над старым. Советские новаторы в области науки, техники и производства вправе и впредь рассчитывать на помощь писателей в борьбе с консерватизмом, на поддержку их дела писательским словом. Партия большевиков — партия смелых новаторов. Товарищ Сталин отечески заботится о новаторах, помогает им и руководит ими. Рост новаторской творческой инициативы в нашей стране — свидетельство нового мощного под'ема, которого достигла наша Родина под мудрым руководством партии Ленина—Сталина!

Орден на груди учителя

Л. СЕЙФУЛЛИНА

Образ любимого учителя живет в человеческой памяти с детства до глубокой старости. После родителей ему отдает ребенок свое полноценное детское доверие. Моральное воздействие учителя на своих учеников чрезвычайно глубоко. Оно и в дальнейшей жизни — уже взрослого человека — сказывается на его отношении к знанию, к дисциплине труда, к людям, ко всему окружающему миру.

Профессия школьного учителя поглощает больше душевных сил, чем всякая другая гуманитарная профессия. Это — подвиг. Длительный, повседневный, внешне неэффектный. Только у нас, с утверждением советской власти, этот подвиг любовно оценен и окружен всемерной поддержкой общества и государства. Всем советским гражданам душевно дороги слова В. И. Ленина: «Народный учитель должен у нас быть поставлен на такую высоту, на которой он никогда не стоял и не стоит и не может стоять в буржуазном обществе».

Иосиф Виссарионович Сталин в 1925 году сказал, приветствуя учительский с'езд: «Фаланга народных учителей составляет одну из самых необходимых частей великой армии трудящихся нашей страны, строящих новую жизнь на основе социализма». Ни в каком капиталистическом государстве учительский труд не может быть вполне оценен. У нас в СССР этот труд — «одна из самых необходимых частей» общего творческого созидания.

Русские педагоги, в лице лучших и самых талантливых своих представителей, всегда были прогрессивны. Но тяжела была их борьба за утверждение прогрессивных идей в педагогике. Их благородное стремление внести живой дух, истинное знание в школьное обучение встречало жестокий отпор не только от царских министров и школьного начальства. В собственной среде свирепо ополчались на них педагоги-обскуранты. Ярким примером такой травли служит биография знаменитого русского педагога Константина Дмитриевича Ушинского. Своими коллегами, тупыми ревнителями самодержавия, Ушинский был обвинен в «неблагонадежности» и должен был оставить место инспектора Смольного института. Ушинский, окруженный уважением всего просвещенного мира, был удален в командировку за границу. Рядовые учителя средних и низших школ за свои прогрессивные идеи расплачивались нередко тюрьмой и ссылкой. Преподаватель истории в Омской женской гимназии, где я училась, Шостак был подвергнут преследованию только за то, что сообщал ученикам извлечения из лекций Ключевского.

Прогрессивное учительство министерских и земских сельских школ подвергалось гонению не только от школьных инспекторов, в большинстве узко мыслящих царских чиновников. Их неустанно «опекали» и невежественные становые приставы, волостной старшина и урядники. В результате такой опеки сколько задушено было светлых идей и творческой учительской инициативы! Немалая часть самого крестьянского населения, тогда в большинстве своем темного, неграмотного, к школе относилась отрицательно или с пренебрежением. Мало было у них оснований верить, что знание, наука помогут их детям изменить тяжелые условия их труда, их деревенского быта или откроют им дорогу к любому другому труду или иному общественному положению.

Я служила учительницей в одноклассной сельской школе, в мордовской деревне Карайгыр, Орского уезда. По приговору сельского общества, на основании которого была открыта в деревне школа, население было обязано за свой счет отапливать школьное помещение. Но в самые жестокие морозы сельский сход решил отказаться от этой повинности. Извещенная об этом заранее матерью одного из учеников, я пришла на сход просить не отказывать в дровах. Один пожилой, сумрачный крестьянин крикнул мне в ответ:

— А ты через школу мово сына в офицера́, что ли, выведешь? Как есть мужик, так и сдохнет мужиком. На что ему школа?

Теперь, когда у нас в стране осуществлено обязательное всеобщее образование, я могла бы ему ответить: «Будет и офицером, если захочет». Тогда такого обещания дать ему я не могла. Вымолить отопление мне помогли сами ученики. От этой деревни до ближайшего уездного города было полтораста верст; до ближайшей станции железной дороги — верст двести. Почту для нас получало волостное правление в тридцати верстах от нашей деревни. В половодье мы были надолго совсем отрезаны даже от почтового отделения. А кругом замыкала нас обширная, невозделанная, тоже глухая степь с малопроезжими дорогами.

Прежних медвежьих углов нет в СССР. Октябрьская революция уничтожила глухую жизнь. На необозримых просторах теперь обширные колхозные пашни и пастбища. Вскрыты богатые недра, выросли заводы-гиганты. Неузнаваемо изменился бывший Орский уезд. Советская власть по всей стране помогла народу найти ресурсы для постройки множества новых железных дорог, проложила широкие пути в пустынных раньше российских степях.

В наши дни, как бы ни был учитель территориально отдален от культурных центров страны, он от них не оторван. Не только в городах, но и в селах, в колхозе учитель—уже не прежняя культурная одиночка. Политика коммунистической партии высоко подняла культуру в СССР на всем его пространстве. На периферии, как и в центре, знание и труд непосредственно связаны между собой и взаимно укрепляют общую культуру страны.

Для учителей, работающих в сельских районах и желающих повысить свою квалификацию без перерыва этой работы, открыт заочный курс обучения в педагогических институтах столиц и многих областных городов. Те из лучших учителей, которые начали свою прогрессивную просветительную работу еще в эпоху царизма и органически слились с лучшей же частью молодых советских учителей, передают им свой прекрасный педагогический опыт. Я хорошо знакома с биографией Николая Михайловича Головина. Это заслуженный учитель, директор Чебаковской школы. Тернист был в прошлом его жизненный путь. Начал он свою работу в церковно-приходской деревенской школе. Эти школы были подлинно пасынки просвещения в Российской империи. Сама церковно-приходская школа нередко помещалась в церковной сторожке. Жалованье учителей не превышало десяти-пятнадцати рублей в месяц. У Головина, помнится, оно было даже меньше. Никакой квартиры ему не полагалось. И Николай Михайлович жил в землянке, в которой богатые крестьяне зимой держали телят.

В советскую школу Головин принес большой опыт живой творческой работы, изумительное знание детской психологии, уважительную чуткость к душе ребенка. Этот опыт необычайно обогатился в наше советское время. В 1946 году в журнале «Семья и школа» были опубликованы его чудесные «Заметки учителя». Передовая педагогическая мысль сочетается в этих «Заметках» с глубоким пониманием детской психики, с действенной любовью к ученикам. Именно такие народные учителя воспитали миллионы идейных, стойких строителей социалистического общества.

Наши Головины неустанно передают свой опыт молодым учителям, и с каждым годом растет и крепнет в СССР огромная учительская армия, армия идейного коммунистического просвещения. Она окружена уважением всего народа и действенной сталинской заботой. Возглавляемое товарищем Сталиным, наше правительство видит и ценит успешный труд и безупречную работу каждого рядового этой армии.

Советская литература и педагогика неразрывно связаны между собой общностью цели нашего труда. Эта цель — воспитание человека в духе светлых идей коммунизма. И родственно радует нас новый акт большого внимания правительства к народным учителям — награждение их орденами и медалями за выслугу лет и безупречную работу.

Это — событие огромного культурного масштаба. Оно показывает, какую большую моральную силу представляют собой наши народные учителя. Оно свидетельствует и о том, как ценит наше государство их духовно-созидательный труд.

Дорогие товарищи, народные учителя! Примите наше горячее поздравление и взволнованное писательское приветствие.

М. СВЕТЛОВ

К ВЕРШИНАМ КОММУНИЗМА

Глаза учителя я вижу до сих пор,
Его неторопливый разговор
Мне слышится сейчас издалека:
— Вперед, мой мальчик, цель уже близка! —
Что может быть красивей берегов
Им прожитой большой и трудной жизни,
Когда идут к вершинам коммунизма
Три поколения его учеников!

Ярослав СМЕЛЯКОВ

ЛЮБОВЬЮ И ТРУДОМ

Мы поздравляем вас с наградой этой,
заслуженной любовью и трудом.
Недаром мы вождя страны Советов,
вождя земли — учителем зовем.

Закройщица Ольга Муштукова докладывает на коллегии министерства

Закройщица ленинградской фабрики «Скороход» Ольга Муштукова выступила инициатором нового движения в социалистическом соревновании. Она предложила завести индивидуальные лицевые счета, в которых ежедневно бы отражалось конкретное участие каждого рабочего в борьбе за сверхплановые накопления.

Почин Ольги Муштуковой, у станка которой появился первый лицевой счет, поддержали не только в закройном, но и в других цехах фабрики. 710 рабочих завели индивидуальные лицевые счета. В фонд сверхплановых накоплений ежедневно начали поступать новые сотни и тысячи рублей. Отвечая на призыв москвичей, скороходовцы обязались сэкономить до конца года 8,5 миллиона рублей. Обязательство перевыполнено — сэкономлено 9 миллионов рублей. Теперь коллектив «Скорохода» принял решение довести до конца года сумму сверхплановых накоплений до 11—12 миллионов рублей.

Новая форма социалистического соревнования за сверхплановые накопления открывает большие источники экономии. Об этом и говорила в своем докладе на заседании коллегии Министерства легкой промышленности СССР ленинградская работница Ольга Муштукова. Она познакомила участников заседания со своими методами работы, а также осветила некоторые вопросы технологии производства.

Коллегия министерства одобрила инициативу Ольги Муштуковой и других стахановок Ленинграда. Министрам легкой промышленности союзных республик, начальникам главных управлений и директорам предприятий рекомендовано всячески развивать новое движение.

600 новых научных книг

Издательство Академии наук СССР расширяет в 1949 году выпуск научной литературы. В свет выйдет около 600 трудов общим об'емом почти в 12.000 авторских листов.

Много внимания будет уделено изданию собраний сочинений классиков русской науки — М. Ломоносова, Д. Менделеева, И. Павлова, В. Докучаева, П. Чебышева, В. Ковалевского. Выпускаются труды академиков А. Баха, А. Байкова, И. Губкина, А. Карпинского, В. Комарова, А. Крылова, А. Северцова, А. Ферсмана.

Научная литература пополнится новыми книгами советских ученых. Среди них: «Исследования по вопросу микроструктуры света» академика С. Вавилова, «История геологического исследования Сибири» академика В. Обручева, «Механизмы» академика И. Артоболевского, «Геохимия рассеянных элементов в почвах» члена-корреспондента Академии наук СССР А. Виноградова и др. Начнется выпуск капитальных исследований—«История русского искусства» и «Русский фольклор», продолжится издание многотомных трудов «Флора СССР», «Фауна СССР», «Минералы СССР».

Помимо трудов классиков отечественной биологической науки выйдут работы советских ученых-мичуринцев, в том числе сочинения академика Т. Лысенко.

Расширяется издание научно-популярной литературы. Специальная серия, предназначается для широкого круга читателей. В числе этих книг «Глаз и солнце» и «Холодный свет» академика С. Вавилова, «Химия на службе человечества» академика В. Родионова, «О материалистическом мировоззрении» академика Г. Александрова, «Современное представление о вселенной» академика В. Фесенкова, «Природные богатства СССР» академика Л. Шевякова.

В ознаменование 150-летия со дня рождения А. С. Пушкина завершится выпуск начатого еще до войны академического собрания сочинений гениального русского поэта и выпускается юбилейное десятитомное полное собрание его сочинений.

К столетию со дня рождения великого русского физиолога академика И. Павлова выйдут последние два тома полного собрания его сочинений, биография и научно-популярная брошюра о жизненном и творческом пути ученого.

Под редакцией А. Фадеева и А. Еголина издается коллективный труд «Очерк истории русской советской литературы». Несколько монографий посвящается творчеству советских писателей.

Издательский план включает много научных книг по вопросам физики, химии, геологии, истории, философии, экономики и права.

Награждение учителей школ Москвы и Ленинграда

Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР за выслугу лет и безупречную работу награждена орденами и медалями Советского Союза большая группа учителей школ Москвы и Ленинграда.

По Москве награждены орденами и медалями СССР — 4.278 учителей. Из них: орденом Ленина — 920; орденом «Трудовое Красное Знамя» — 934; орденом «Знак Почета» — 677; медалью «За трудовую доблесть» — 753 и медалью «За трудовое отличие» — 994 учителя.

По Ленинграду награждены орденами и медалями СССР — 2.739 учителей. Из них: орденом Ленина — 487; орденом «Трудовое Красное Знамя» — 440; орденом «Знак Почета» — 504; медалью «За трудовую доблесть» — 600; медалью «За трудовое отличие» — 708 учителей.

Новые материалы о Мичурине

В архиве Академии наук СССР хранятся неопубликованные документы, характеризующие научную деятельность И. В. Мичурина. Это — анкета, заполненная ученым 14 апреля 1934 года для Комитета учета и изучения научных сил, а также материалы, относящиеся к избранию Мичурина в состав Академии наук СССР.

Лаконичные строки анкеты дополняют сведения о великом преобразователе природы. Начало своей научной деятельности Мичурин относит к 1875 году. Дальнейшие ответы ученого на вопросы анкеты подчеркивают прежде всего органическую связь его работ с практикой сельского хозяйства. Он указывает, что является «основателем единственного в мире опытно-гибридизационного питомника по выведению новых сортов плодово-ягодных растений в 1875 году в г. Козлове Тамбовской губ.». С 1918 по 1923 гг. Мичурин — уполномоченный Наркомзема РСФСР по опытной работе в Центрально-Черноземной области, с 1923 по 1926 гг. — заведующий питомником, с 1927 года — директор селекционно-генетической станции плодово-ягодных культур.

Характеризуя научную область, в которой он работал, Мичурин писал: «Общая — выведение новых сортов плодово-ягодных растений, специальная — селекция и генетика растений».

Как свидетельствует анкета, Мичурин проявлял большую заботу о подготовке кадров специалистов социалистического сельского хозяйства. Он назвал себя в анкете шефом ряда учебных заведений, начиная с Института селекции и кончая школами крестьянской молодежи.

В числе документов — заявление академиков В. Комарова, Б. Келлера, А. Борисяка, С. Зернова, А. Деборина, Э. Брицке, С. Струмилина и других, выдвинувших в 1935 году кандидатуру Мичурина в почетные члены Академии наук СССР.

В протоколах общего собрания Академии наук СССР имеются записи о баллотировании кандидатуры И. В. Мичурина и о его избрании 1 июня 1935 года почетным академиком.

Сохранились письма ученого к ленинградскому ботанику профессору А. Ильинскому. Мичурин просил выслать семена некоторых растений, необходимые ему для выведения новых сортов плодово-ягодных культур.

Эти материалы подготовлены к печати научными сотрудниками Института истории естествознания Академии наук СССР.

В. ШКЛОВСКИЙ

СОТВОРЕНИЕ МИРА

Человечество привыкло к неизменности ритма природы.

Растут деревья, рождается человек, умирает человек, а деревья продолжают расти.

Человек взрослым вспоминает липы, под которыми он жил. Под теми же липами живут его дети.

Если рассказывали про изменения природы, то это был рассказ об уничтожении природы.

Уходили леса, срубались сады.

О том, как вырубают сад, писал А. Чехов. У Чехова есть рассказ и о том, как жалуется старик на то, что пересыхают реки, уходят леса.

Гробовщик и музыкант Бронза в рассказе «Скрипка Ротшильда» тоже думал о том, как истребляет человек природу.

«На том берегу, где теперь заливной луг, в ту пору стоял крупный березовый лес, а вон на той лысой горе, что виднеется на горизонте, тогда синел старый-старый сосновый бор. По реке ходили барки. А теперь все ровно и гладко, и на том берегу стоит одна только березка, молоденькая и стройная, как барышня, а на реке только утки да гуси, и не похоже, чтобы здесь когда-нибудь ходили барки. Кажется, против прежнего и гусей стало меньше».

Те леса, те прерии, которые описывал Купер, вырублены, распаханы, почва развеяна ветрами; капитализм истребляет природу, портит ее на столетия.

Когда-то о местах на верхней Волге и на Шексне писал Салтыков-Щедрин.

Здесь стояли топкие леса, жили небогатые помещики. Звали здешних людей «заугольники» и «лягушатники».

Шексну в старину звали Шехонью, но город Пошехонье был не на Шехоне.

Здесь жили господа Головлевы, торговали крестьянами, ссорились, умирали, рубили леса. Потом здесь жили господа купцы — еще сильнее рубили леса.

Пустела Волга. Города пустели, неизвестно, чем жили крестьяне, чем жил город Корчева — самим жителям было неизвестно.

Я, пишущий эти строки, живу в изменяющемся мире; новое вырастает вокруг меня.

Я на карте в газете «Правда» уже увидел леса по Волге, по Уралу — лесозащитные полосы; прочел о лесных полянах, и я знаю, что это будет, потому что я видел, что уже есть.

Та страна, в которой жили Головлевы, не Головлевыми была сильна.

Когда после Октября преобразилась страна и русский народ во главе братских народов начал переделывать жизнь, здесь, под Москвой и за Москвой, среди вырубленных лесов, пересыхающих рек, на выпаханных полях как-будто мало что изменилось.

Нужна была новая сила, чтобы поднять деревни и города, нужна была сила для того, чтобы вертеть машины.

И вот тогда создали Московское энергокольцо и один из символов советской жизни — дружную семью электростанций.

Народу пришлось перестраивать жизнь, природу. Ему пришлось переделывать реки для того, чтобы напоить реку-Москву, — создали канал имени Москвы.

Для того, чтобы Москва получила энергию, для того, чтобы работал Ярославль, Горький, Гусь-Хрустальный, подняли в плоских берегах Шексну и Мологу, разлили новое море, подняли Волгу.

Волга поднята высоко. Волга вращает турбины. И вокруг них преображается природа.

Москва простирает свои руки на далекие реки, и когда включаются в Москве заводы, на Рыбинской ГЭС изменяется нагрузка турбин и поворачиваются заслонки, пускающие воду, и изменяется наклон лопасти турбин—огромных, как многоэтажные дома.

Москва пьет моря и превращает воду в энергию.

Город Корчева, про который когда-то писал Салтыков, ушел под воду. К городу Угличу вода подошла высоко. Подошла — увидела новые заводы. Город Молога под водой. Море подошло к Пошехонью.

Не переделав сердца, не изменив души народа, нельзя изменить природу, разлить широкие реки.

Друзья мои, товарищи мои, не разучивайтесь великому уменью удивляться. Не забывайте радоваться тому, что в нашей стране землю не превращают в пустыню.

Там, за Угличем, над широкой, нами созданной рекою воздух пахнет сосной.

Там, в Московском море, на память о городе Мологе, который уехал ниже и стал частью города Щербакова, стоит в воде собор, а кругом его море.

Еще море это не устоялось, на нем плавают острова из торфа, еще стоят леса по плечи в воде. На обнаженных деревьях у новых полуостровов стоят долгоногие цапли.

Лес, вокруг вода, и удивляются птицы на измененную природу.

Рыбьи стада ходят в потопленных лесах.

Лоси плывут среди волн к новым островам.

На юго-востоке озера, между Мологой и Шексной, остался полуостров: там заповедник.

От сотворения заповедников всегда пытались в них сохранить неизменяемую природу, а этот заповедник совсем другой: здесь смотрят, как изменяется природа, как изменяются леса от того, что повысился уровень почвенных вод, что происходит с полями, которые заливаются весной и обнажаются уже поздно осенью. Смотрят, как изменяются птичьи перелеты, как вновь прилетели птицы.

Человек изменяет природу и смотрит на ее изменение, смотрит, как создается новое озеро, как изменяются в этом озере взаимоотношения пород рыб.

Вечером проходит мимо заповедника широкий пароход, над пароходом горят разноцветные огни, и к нему от сотворенного человеком берега плывут лодки.

18 ноября 1941 года вступила в строй первая машина Рыбинской гидростанции. По понятным причинам тогда об этом писали мало.

Сейчас работают четыре машины.

Только движущая часть одной из турбин весит 1.200 тонн. Они вращаются, огромные, теплые, как живые.

Внизу пробегает быстрая вода. В момент пуска на пяту турбины падает нагрузка в 2 тысячи тонн — нагрузка собственного веса и движения воды, и в этот момент электромагнит, включенный наверху, принимает на себя половину тяжести.

Стоит у турбины девушка. Ей 21 год, озеру, которое протекает мимо нее,—7 лет. 7 лет производственного стажа у девушки.

Про Рыбинское водохранилище сказать озеро — мало. Море сказать — много. Чудо сказать — как раз.

В рыбинском чуде 25 миллиардов кубометров воды и 16 миллиардов кубометров воды живой — такой, какую мы можем пропустить через турбины.

Море широко, море бурно. Над морем летят сизые чайки, над морем проносятся ветры, рождаются туманы, меняется климат.

Друзья мои, товарищи мои по удачам, хорошо жить при сотворении нового мира!

Не пропустим для потомков рассказ об этом сотворении. Это поможет их счастью.

Напишем книги о чудесах, о человеке, который изменяет природу так, как ему нужно.

З. ЧУХАНОВ,
член-корреспондент Академии наук СССР

Шире дорогу новаторству в технике

Советские люди уверенно идут к новым высотам науки и техники. Велики успехи, достигнутые в решении многих научных и технических проблем, выдвинутых планом пятилетки.

И если народное хозяйство на отдельных участках еще не ощутило полностью практических результатов некоторых достижений науки, то это в значительной степени происходит потому, что еще не везде четко организована работа по внедрению новых открытий в жизнь. Реализация усовершенствований и изобретений затягивается иногда на долгие сроки.

Почему это происходит?

Попытаюсь дать ответ на этот волнующий многих деятелей науки и практики вопрос. Постараюсь сделать это, исходя из опыта работы ряда научно-исследовательских институтов.

Советская наука в решении многих технических проблем шла и идет своими оригинальными путями. Она создает новые конструкции, разработку которых одновременно ведут разные институты. Почти все разрабатываемые ими методы и конструкции представляют значительный интерес. Но довести начатые работы до конца не всегда удается. Почему?

Закончив теоретическую разработку и лабораторные испытания, каждый исследовательский институт приступает к разработке экспериментальных полупромышленных установок. И вот тут-то начинаются мытарства, начинаются хождения по мукам. Достаточно мощных проектных бюро наши институты не имеют, и для проектирования экспериментальной установки приходится прибегать либо к услугам неспециализированных проектных организаций, загруженных текущей работой и задерживающих проектирование экспериментальных образцов, либо создавать специальные бригады, подбирая конструкторов из разных мест, с тем чтобы выполнять проект «в нерабочее время». Это, естественно, снижает качество проектирования и затягивает его сроки.

Но вот проект готов, прошел экспертизу (подчас недостаточно основательную и скороспелую). Проект утвердили. И тогда возникает вопрос, где изготовить новую установку?

Каждая исследовательская организация не может быть обеспечена мощной собственной производственной базой. Начинаются поиски завода, который согласился бы взять заказ. Нелегкое это дело. Большинство заводов отказывается от «нетипового» и, конечно, невыгодного заказа. Наконец, пользуясь и личным знакомством и «нажимом» сверху, удается навязать заказ какому-либо предприятию, которое прежде всего оговаривает, что за сроки, мол, оно не ручается.

Начинается «этап изготовления». Длится он обычно не меньше полугода. Заказ выполняется «от случая к случаю», то-есть когда есть свободные люди; качество изготовления, в результате этого, — невысокое. Потеряв всякое терпение, заказчик забирает недоделанную, плохо изготовленную установку в надежде самому закончить ее и исправить «своими силами». Стоимость установки оказывается фантастической — в пять и более раз превышающей сметную!

Монтаж установки и вспомогательного к ней оборудования сопровождается многочисленными доделками, переделками, и это отнимает также немало времени.

Но вот установка, наконец, готова. И если к этому времени удалось достать все вспомогательное оборудование, можно приступать к ее испытанию. Это, пожалуй, уж самый сложный период. Установки часто монтируются в малоприспособленных помещениях. И если, как мы знаем, обычно пуск нового завода, даже типового, связан с «болезнями» освоения, то уж на новой, никем ранее не испытанной установке, таких «болезней» значительно больше. Дают себя чувствовать и плохое качество изготовления оборудования, и переделки. Вместо испытания основного процесса и аппарата большая часть времени тратится на устранение неполадок во вспомогательном оборудовании.

Так испытывается первый вариант в полупромышленной установке. А надо ведь испытать и два, а иногда и три, и четыре варианта!

Понятно, что не у всех научных работников, не у всех конструкторов хватает напористости, силы пройти начертанный выше путь два или три раза.

Когда же удается успешно завершить испытание, начинается второй этап внедрения изобретения в жизнь—строительство первой опытно-промышленной установки. На этом этапе основные затруднения сводятся к тому, что у нас нет пока достаточно компетентной узко специализированной организации, которая смогла бы не только об'ективно оценить научно-технические результаты испытаний, но и дать новой установке «путевку в жизнь». Все это приходится делать в каждом случае путем вмешательства правительственных инстанций.

В нашей печати, в частности в «Литературной газете», был помещен в последнее время ряд статей о чрезвычайно медленном, длящемся часто годами процессе изготовления опытных образцов новых машин (турбобур инженера Гузеева, открытия новаторов бумажной промышленности и т. д.).

С таким положением мириться, конечно, нельзя! В нашем государстве имеются все условия для быстрейшего внедрения в жизнь достижений науки и техники. Правительство и партия всеми силами поощряют творческую инициативу.

Что же необходимо сделать для того, чтобы форсировать внедрение результатов научно-исследовательских работ, открытий и изобретений в народное хозяйство? Что требуется для сокращения периода реализации открытий?

Реализация результатов научной работы начинается с момента, когда вопрос уже теоретически разработан, проверен в лабораторных условиях (если это необходимо) и новая идея оформлена в виде задания на проектирование опытного образца, — если речь идет о машине, и полупромышленной установки, — когда речь идет о новом производстве.

Вот именно с этого момента, как мне кажется, и необходимо создать организованное русло, по которому бы без задержек в возможно более короткий срок претворялись в жизнь изобретения и внедрялись достижения науки и техники.

Проектное задание прежде всего должно пройти компетентную научно-техническую экспертизу. Следовательно, необходимо в каждой отрасли техники создать высококвалифицированный научно-технический экспертный совет, который бы решал вопрос о представленной на его рассмотрение работе, об ее актуальности и очередности ее выполнения. Такой экспертный совет дает изобретению путевку в жизнь, направляет его в проектное бюро—и не в любое, как это обычно делается сейчас, а в специализированное, имеющее в своем штате наиболее опытных конструкторов и технологов данной отрасли. Основной работой такого бюро должна быть разработка конструкций новых машин и аппаратов. Понятно, что проектирование экспериментальной установки, а затем и опытно-промышленной, должно проводиться здесь при консультации, а если надо, и при непосредственном участии авторов изобретений и работников соответствующих научно-исследовательских организаций.

После того как проектное бюро выполнило проект и защитило его, он должен быть передан для осуществления какому-либо заводу. И здесь, мне кажется, необходимо создать специальные заводы-комбинаты, основной планируемой продукцией которых должно быть изготовление и монтаж экспериментальных и частично опытно-промышленных установок.

Завод, специализировавшийся на изготовлении опытных установок, производит также их монтаж и сдает цеху экспериментальных установок, который вместе с автором и научно-исследовательскими организациями проводит все необходимые испытания по программе, утвержденной научно-техническим экспертным советом. Результаты испытаний докладываются на заседании этого совета, который и принимает уже окончательное решение: передать ли новшество тому или иному министерству для внедрения, рекомендовать ли Госплану включить в план работ соответствующей отрасли, произвести ли дополнительные испытания и т. д.

Таким образом, изобретение проходит через компетентный экспертный совет, специализированную организацию, занимающуюся проектированием опытных образцов, попадает затем на специализированный завод, основным делом которого является изготовление экспериментальных образцов.

Вся цепь перечисленных организаций должна быть об'единена в промышленно-исследовательском институте, занимающемся определенным кругом вопросов. В частности, в том примере, с которым я столкнулся по роду своей деятельности, это должен быть институт по топливоиспользованию, занимающийся вопросами газификации, сжигания, полукоксования и комплексного использования твердого топлива. Такой институт не может и не должен быть подчинен какому-либо министерству.

Основную роль в организации и в направлении работы промышленно-исследовательских институтов должны играть Академия наук СССР и организации, ведающие внедрением новой техники в производство.

В ведении этих организаций и должны, как мне кажется, находиться промышленно-исследовательские институты, являясь ее производственной базой.

В стендовом отделе такого института (цехе экспериментальных установок) наряду с испытанием новых установок аппаратов, машин и методов работы должны быть небольшие действующие аппараты новейших систем, не получившие еще широкого промышленного распространения. Здесь же должны демонстрироваться новинки техники и т. д. Наличие такой действующей «выставки» не только позволит быстро определять недостатки новых машин и аппаратов, но и проверять небольшие рационализаторские и изобретательские мероприятия и предложения. Такая выставка, безусловно, превратится в своеобразный университет новой техники.

Можно не сомневаться, что все расходы на это большое дело окупятся быстро. Нет нужды об'яснять, насколько удешевится и ускорится работа по реализации предлагаемых учеными, инженерами и стахановцами новых идей. Ведь для всех или подавляющего большинства установок будет в стендовом отделе готовая вспомогательная аппаратура и оборудование, обычно составляющие около 80 процентов стоимости установок. Резко снизятся и расходы на испытания.

Таков, как нам кажется, путь, ускоряющий продвижение новшеств в производство.

ОТ РЕДАКЦИИ. Публикуя статью члена-корреспондента Академии наук СССР тов. З. Чуханова, редакция приглашает директоров предприятий, ученых, инженеров, стахановцев, работников научно-исследовательских институтов, заводских лабораторий, бюро рабочего изобретательства и других читателей высказаться по затронутым автором вопросам.

За литературу, достойную строителей коммунизма

На втором с'езде советских писателей Украины

Три дня участники второго с'езда советских писателей Украины обсуждали доклад тов. А. Е. Корнейчука «Состояние и очередные задачи украинской советской литературы».

Центральное место в выступлениях с трибуны с'езда занимал вопрос об укреплении связей литературы с жизнью, об активном вторжении писателя в нашу социалистическую действительность. Об этом говорили и поэты Л. Первомайский и А. Малышко, и прозаики Ю. Смолич и Н. Рыбак, и старейший драматург И. Кочерга, и представитель писателей Донбасса П. Байдебура, и недавно пришедший в литературу П. Биба — делегат Никополя, и драматург А. Левада, и публицист А. Михалевич, и еврейский писатель М. Талалаевский, и критик М. Пархоменко, и многие другие.

— Правда нашей жизни не требует украшений и риторики, — сказал с трибуны поэт Л. Первомайский. — Она прекрасна уже одним тем, что она правда, и ничего другого к ней добавлять не нужно.

Писатель Ю. Смолич подробно говорил о молодых голосах—о первых книгах, рожденных теми людьми, которых привели в литературу их богатый жизненный опыт, потребность поделиться с читателем всем тем, что было видено, пережито и продумано.

А. Малышко посвящает свою речь братской дружбе народов. Он говорит также о большевистских чертах характера советского человека, об образах великих строителей коммунизма — товарищей Кирова и Жданова, воплотить которые должна наша литература. Сердце писателя должно биться вместе с сердцем народа!

В речи А. Малышко не вполне точным было то место, где он говорил, что для настоящего писателя не может быть проблемы связи с народом. Это прозвучало, как недооценка важности и значения того, что писатель должен повседневно изучать действительность.

— Нам следует, — обращается к с'езду А. Михалевич, — постоянно помнить ленинские слова о том, что партия — это ум, совесть и честь нашей эпохи. С этим ленинским определением следует сопоставлять созданные в наших произведениях образы большевиков. Сравнивая дела большевиков, работающих на заводах и в колхозах Украины, с литературными образами, А. Михалевич доказывает, что герои даже удачной книги С. Скляренко «Хозяева» бледнее, чем те живые люди, которых должен хорошо знать литератор.

П. Байдебура и П. Биба говорили о большом творческом под'еме в индустриальных областях Украины — в Донбассе и на Днепропетровщине. Там прозвучало особенно много молодых голосов, там написаны такие радующие произведения, как книга енакиевского инженера В. Попова «Сталь и шлак». Но, к сожалению, индустриальной теме в литературе Советской Украины — республики могучей социалистической промышленности — уделяется еще слишком мало внимания.

Направляющая сила большевистской партии —вот что обусловило новый творческий под'ем, который переживает ныне украинская литература.

Поэт М. Бажан в своем выступлении подчеркнул, что все успехи украинской советской литературы родились в непримиримой идейной борьбе и, в первую очередь, в борьбе с буржуазным национализмом.

Выступавшие говорили о решающем значении, которое имели для украинской литературы исторические постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам и постановления ЦК КП(б)У и пленума правления Союза советских писателей Украины, состоявшегося в сентябре минувшего года.

Прямая и принципиальная критика на этом пленуме помогла, например, талантливому поэту М. Рыльскому преодолеть свои ошибки. Его новая книга стихов «Мосты» — свидетельство перестройки. Но это первый этап. Убедительно сказали об этом М. Бажан, Л. Первомайский, П. Панч. М. Рыльский, выступая на с'езде, говорил о новых стихах, которые он создаст, чтобы полностью оправдать доверие читателя.

Ю. Яновский, произведения которого—роман «Живая вода» и «Киевские рассказы» — несли на себе печать серьезных идейных и художественных ошибок, сообщил о работе над новой редакцией романа. Учитывая критику и голос читателей, он вносит существенные изменения в свою последнюю книгу «Киевские рассказы».

Признал свои ошибки и литературовед Л. Новиченко.

В непримиримой борьбе с националистами, еще задолго до воссоединения с Советской Украиной, закалялся отряд лучших передовых писателей западных областей УССР. Об этом с трибуны с'езда рассказывали делегат Львова П. Козланюк и делегат Ужгорода Ю. Гойда.

Многие участники с'езда говорили о проблемах поэзии, — среди них поэты старшего поколения М. Бажан и М. Рыльский, поэты среднего поколения Л. Первомайский, А. Малышко и П. Усенко, молодые поэты Н. Руденко и П. Биба.

П. Усенко критикует работу секции поэзии ССПУ за то, что там в угоду приятельским отношениям зачастую приносится в жертву большевистская принципиальность.

Созданию песен посвятили свои выступления поэт П. Воронько и композитор К. Данькевич.

— Украинский народ по праву, — сказал П. Воронько, — гордится своей песней. Она помогала в бою, теперь помогает в труде. Но надо признать, что украинские поэты все еще мало работают над созданием популярных песен для народа.

О задачах украинских фольклористов говорил профессор П. Попов.

От имени молодежи счет писателям пред'явил секретарь ЦК ЛКСМУ тов. Семичастный. Анализируя произведения, посвященные советской молодежи, он отметил, что герои этих книг похожи друг на друга, как близнецы, но мало похожи на живых комсомольцев.

— Мы уверены, однако, — сказал он, — что пройдет немного времени, и в нашей литературе появится нынешний молодой герой, показанный в полном своем величии.

Тов. Семичастный подчеркнул значение советской литературы в благородном деле воспитания детей. Вопросам развития детской литературы на Украине посвятили свои речи писатели И. Нехода и О. Донченко.

Не преодолено еще отставание украинской критики. Это неоднократно отмечалось в выступлениях на с'езде.

— Наши критики и литературоведы,— заявил в своем выступлении Н. Рыбак,— потому и не сумели до сих пор написать курс украинской советской литературы, что они не знают или не хотят по-настоящему знать процессы развития нашей литературы в целом.

О работе русской секции Союза советских писателей Украины на с'езде говорили Н. Ушаков, Н. Строковский, В. Добровольский, Л. Вышеславский. В. Добровольский высказал пожелание, чтобы Союз советских писателей Украины стал подлинным центром, который помог бы литераторам в изучении жизни, в осознании процессов, происходящих в нашей стране.

О составе с'езда языком цифр рассказал председатель мандатной комиссии Я. Баш. Из 163 делегатов — 85 в возрасте от 25 до 40 лет.

109 делегатов — коммунисты. Это говорит о том, что значительное большинство писательского актива неразрывно связало свою жизнь и творчество с великой партией Ленина—Сталина.

Среди делегатов — четыре академика. Многие писатели облечены высоким доверием советского народа. Они — депутаты Верховных Советов СССР и УССР, депутаты областных, городских и районных советов.

Во время утреннего заседания 8 декабря прозвучало на с'езде волнующее выступление. Трибуна оставалась пустой, но голос, усиленный репродуктором, звучал в высоком и светлом зале.

Это был голос А. Бойченко, одного из любимейших писателей украинской молодежи, на протяжении многих лет прикованного к постели тяжелой болезнью.

Мужественный писатель-большевик призывал:

— Пусть наше оружие, как у настоящих солдат, всегда будет отточенным, порох всегда сухим. Пусть каждый день нашей жизни ускоряет приближение победы! Пусть каждая наша книга помогает народу жить, быстрее выполнять сталинские пятилетки, бороться со всем враждебным, чуждым и воспитывать народ в духе сталинской дружбы!..

Дружба! Как часто и как проникновенно звучало это слово со с'ездовской трибуны! И украинские писатели, и многочисленные гости, приветствовавшие своих собратьев, говорили о нерушимом единстве братских литератур Советского Союза, о любви, уважении и благодарности к замечательной литературе великого русского народа.

Известный поэт узбекского народа Гафур Гулям рассказывал о том, с какой гордостью узнал он, что стихи его включены в хрестоматию, по которой учатся украинские школьники. Шалва Дадиани говорил о вековой традиции дружбы и взаимной учебы, существующей между писателями Украины и Грузии.

— Мы вместе упорно сражались с врагами, сестра Украина! — воскликнул П. Бровка от имени всего белорусского народа. — И вместе идем мы в наше светлое коммунистическое завтра!

Туркменский писатель Кара Сейтлиев, азербайджанец Абульгасан, представитель Союза писателей Армении Э. Топчян, казах Г. Мусрепов, дагестанец Г. Залов проникновенно говорили о кровной связи и братском содружестве, сплотивших советские народы и разноязычные отряды писателей, создающих литературы, различные по своей национальной форме, но единые по своему социалистическому содержанию.

Как к старшему брату, относятся к великой передовой литературе Советского Союза писатели стран новой демократии. Об этом пылко говорил с трибуны гость писателей Советской Украины—польский поэт Станислав Добровольский.

Здравицей в честь новой демократической Польши и ее литературы, в честь на века установленной дружбы между Польской республикой и Советским Союзом ответил ему А. Корнейчук.

На заседании с'езда с большой речью выступил секретарь ЦК КП(б)У тов. Литвин.

В один из дней вместо вечернего заседания участники с'езда и гости раз'ехались по заводам, Дворцам культуры и клубам, где встретились с трудящимися столицы Советской Украины.

***

Вчера в Киев прибыла делегация писателей демократической Болгарии: Людмил Стоянов, Крум Кюлявков и Мария Грубешлиева, а также чехословацкий писатель Ян Дрда. Вечером гости присутствовали на заседании с'езда. Делегаты горячо приветствовали их. Л. Стоянов и Ян Дрда выступили с краткими взволнованными речами. От имени с'езда и всех писателей Украины им отвечали П. Тычина и А. Корнейчук.

С большим вниманием делегаты и гости выслушали выступление генерального секретаря Союза советских писателей СССР А. Фадеева.

С'езд единодушно принял резолюцию, в которой подведены итоги пройденного украинской советской литературой пути и намечены ближайшие творческие задачи писателей Украины.

С большим под'емом участники с'езда приняли приветствие товарищу И. В. Сталину.

***

Вчера второй с'езд советских писателей Украины закончил свою работу.

А. АГРАНОВСКИЙ

МЕЧТАТЬ!

Не стоило бы жить, если бы человечество не озарялось звездой социализма, звездой будущего.

Ф. Дзержинский.

В просторном колхозном клубе сидит за столом президиума президент Всесоюзной академии наук Сергей Иванович Вавилов. На трибуне читает лекцию колхозникам об итогах биологической дискуссии профессор Всеволод Николаевич Столетов. Вчера я такую же лекцию слушал в Москве, в Политехническом музее...

Из села Коломенского не надо ездить в Москву смотреть «Молодую гвардию». Эта картина демонстрировалась здесь в тот же день, когда ее впервые показывали в Зеленом зале «Метрополя».

Не надо обращаться особенно часто и к московским библиотекам: есть в колхозе 6.300 томов своих книг, и председатель колхоза усиленно расспрашивал меня, где можно купить полное собрание сочинений Глеба Успенского. На-днях он читал «Власть земли» и с тех пор не может успокоиться: надо раздобыть всего Успенского.

Это колхоз — «Огородный гигант». Он и есть гигант: 5 тысяч парниковых рам, 10 миллионов штук одной капустной рассады...

Случилось так, что через несколько дней после Коломенского я поехал в другой колхоз, не овощной, а зерновой, и не гигантский, а, может быть, самый маленький в Московской области: 28 дворов, 69 гектаров. Карлик! В любом кубанском или сибирском колхозе такую площадь занимает одно звено.

Это колхоз имени Буденного, в селе Татариново, Можайского района.

И вот в этом колхозе уже три года горит электричество, три года здесь молотят и веют электричеством.

Не надо и из этой деревушки куда-либо ездить, чтобы посмотреть «Молодую гвардию». Мне лично довелось смотреть вторую серию именно здесь, а не в Москве. Двадцать восемь хозяйств захотели иметь свое собственное кино.

Захотели также эти двадцать восемь хозяйств иметь свой радиоузел. Бригадир Синьков использовал его вдвойне: и концерты, и «радиоразнарядки» — новый термин в колхозной деревне. Каждый колхозник, сидя у себя в избе, узнает по радио, где ему сегодня работать и что делать.

Полмиллиона рублей вложено здесь в дело культуры.

Не это ли называл Ленин «электрическим образованием масс», когда электрическая станция превращается «действительно в опору просвещения»? Не такие ли деревни имел в виду Сталин, когда говорил на XVII с'езде партии, что «культурная пропасть между городом и деревней заполняется»?

Нетрудно догадаться, что если можно израсходовать полмиллиона на электричество, кино и радио, то вдвое и втрое больше вкладывается в производство, в общественное хозяйство.

Теперь представьте. Утром 22 января 1942 года деревни Татариново не существовало. Колхозники рассказывают, что «из всего скота уцелел один единственный серый кот». Все, что вы здесь видите сейчас, начиная от клуба и школы и кончая колодцем, — все это заново построено или приобретено.

Живет Татариново! Маленький колхоз, как в зеркале, отражает завтрашний день всех колхозов страны. Разве татариновские колхозники не вправе повторить слова Чернышевского: «Ты знаешь будущее. Оно светло, оно прекрасно. Говори же всем: вот что в будущем... Любите его, стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее, сколько можете перенести»...

Да, эти колхозы расположены близко к городу — к Москве, к Можайску, и это несомненно сыграло свою роль. Но что в таком случае сказать об улусе Жергалантуй, который находится где-то в Бурят-Монголии? До Улан-Удэ — сотни километров, до Москвы — тысячи. Но в улусе клуб с центральным отоплением на 600 мест, колхозный музей из пяти отделов, телефонный коммутатор на сто абонентов, электричество, радио, кино...

В тот день, когда скитавшиеся по лесам жители Татаринова вернулись в сгоревшую деревню, они уже видели в мечтах и будущую гидростанцию, и клуб, и библиотеку, и книги — вот что обеспечило их успех, победу. Иначе не было бы сил держать лопату, которой колхозники «пахали» в тот год. «Фантазия есть качество величайшей ценности»,—говорил Ленин. Мечты татариновских колхозников имели под собой твердую почву, они направлялись партией Ленина — Сталина, она их и учила претворять свои мечты в жизнь.

В Татаринове 42 взрослых человека, а 30 из них — члены партии и члены комсомола... В те дни, когда я жил в этом селе, партийная организация принимала восьмого коммуниста — Константина Карабанова, колхозного пахаря. Характеристику ему дали очень хорошую, голосовали за него единогласно, и среди голосовавших был старший брат Константина—Семен и их родная мать, 54-летняя Татьяна Гавриловна. Три члена партии в одной крестьянской семье.

Вот кто они — татариновские мечтатели.

Еще вчера они задумали построить гидростанцию, а сегодня Евдокия Синькова, жена изобретателя радиоразнарядки, выступает на собрании так: «Довольно руки калечить стиркой—надо в Татаринове построить механическую прачечную; хватит носить воду на плечах — надо в Татаринове построить водопровод...»

Мечта подала очередную заявку.

***

Три тысячи гектаров посева, многопольный травопольный севооборот, прудовое хозяйство, полезащитные лесные полосы, искусственное орошение, двух-трехмиллионные доходы ежегодно, — и такой конфуз: нет ни лекций, ни кино, ни библиотеки.

Я говорю о довольно известном колхозе им. Чапаева, Воронежской области.

Скупость? Это не скупость. Здесь не жалеют средств на нужные вещи: недавно куплена «эмка» специально для раз'ездов по хозяйству Дмитрия Павловича Чугуевцева, председателя колхоза. Нет, не в скупости дело. Руководители колхоза просто не знают, не поняли еще, что только в гармоническом сочетании трактора и клуба — единственная гарантия бесконечного роста.

...В том и сила нашего строя, что конкретные вопросы хозяйства и общекультурные вопросы у нас никогда не отделялись, что татариновские колхозники одновременно планировали и колхозную кузню и колхозную школу, что даже в самые трудные дни войны, когда хлеб делили на граммы, а гитлеровцы стояли под Сталинградом, не переставали играть все театры страны.

Конечно, экономика идет всегда впереди, на голом месте невозможно воздвигать дворцы, нужна материальная база. Но о колхозе им. Чапаева и его миллионных доходах мы знаем много лет, — сколько же дополнительных лет требуется руководителям колхоза, чтобы у них появилась библиотека?

Иные даже склонны кичиться своей «простотой». Смотрите, мол, что мы сумели сделать, сколько хлеба даем стране, а мы необразованные... Но при образовании они сделали бы вдвое больше. И вдвое легче и лучше. А этого и ждет от них страна.

У знакомого нам пахаря Константина Карабанова из Татаринова—аттестат зрелости. В таежном селе Убей, Красноярского края, записаны в пятилетний план пять годовых стипендий для студентов, детей колхозников.

Долго беседуем с Дмитрием Павловичем Чугуевцевым. Говорим о завтрашнем дне колхоза, как дальше пойдет его жизнь. Чугуевцев тоже мечтатель, иначе он не смог бы увлечь колхозников и построить вместе с ними такое примерное хозяйство. Он еще нароет много прудов в степи, еще насадит много лесных полос, он не хочет больше возить на рынок молоко и мясо, — выгоды мало, — а построит маслозавод, построит колбасную фабрику. Он...

А для души что? Для молодежи, в частности?

Дмитрий Павлович задумался.

— Баян купим хлопцам.

Тут он беспомощен. Нехватает воображения.

Задет большой вопрос, мимо которого нельзя пройти. Это вопрос государственной важности. Сегодня такие председатели, как Чугуевцев, являются передовыми, но завтра они окажутся отсталыми, если не научатся широко мечтать. Они могут оказаться в хвосте, их обгонят все соседние колхозы, которые тоже дают немало хлеба стране, но одновременно не забывают учиться, умеют глядеть вперед.

Не забыть никогда слов, слышанных мною в селе Талдыки, Черкасского района, Киевской области. Это село достигло в области культуры таких больших побед, что можно прямо говорить о стирании грани между городом и деревней. Электричество или кино — это уже здесь «элементарные» вещи: в талдыкском двухэтажном каменном театре-клубе колхозники ставят классические пьесы и отрывки из опер. Здесь мечтают о том дне, когда асфальтированное шоссе и троллейбус свяжут колхоз со столицей Украины... Но вот беда: «Мы построим шоссе, пустим троллейбус, а у Слободы он застрянет в луже...»

Слобода — соседний колхоз, столь же прославленный и богатый, как чапаевский, но столь же мало уделяющий внимания вопросам культуры. Там до сих пор сидят при коптилке...

А пустить колхозный троллейбус можно лишь при одном условии: когда все колхозы будут участвовать в общем деле, когда все колхозное шоссе будет асфальтировано.

— Слобода смотрит на нас вроде в бинокль. По расстоянию близко, а по понятиям — далеко.

Злее иронии и не придумать.

Она и справедлива. Непосредственно к полям Слободы примыкает змогайловский «Червоний партизан», недавно совсем обычный, средний колхоз, а сейчас лучший в районе. Он собрал все свои силы и средства, построил электрическую станцию и в один год благодаря этому обогнал Слободу... Электричество дало колхозу искусственное орошение, а это сразу сказалось на урожае, на колхозных доходах. И тут же колхоз электрифицировал и радиофицировал все село, построил мельницу, большую механическую мастерскую, построил собственный кинотеатр. Куда сейчас Слободе до Змогайловки!

В Слободе коптилка мерцает, а под'езжаешь ночью к Змогайловке и не поймешь, где зарево стоит: над этим ли селом или над Черкассами?

— Знаете ли вы, что такое коммунизм, как я его понимаю, по-колхозному?—слышал я речь колхозного агронома Егора Ивановича Колесникова из «Косаря», Курской области. — Коммунизм — это тысячи вузов, вся страна учится. Это колхозные поля, сплошь изрезанные судоходными реками и каналами искусственного орошения. На реках и каналах — гидростанции, тысячи, тысячи гидростанций — вся страна в огнях, триллионы огней. Всюду в степи докучаевские леса. Всюду в степи севообороты по Вильямсу. Миллионы машин на колхозных полях. И во главе этой могущественной силы, никогда не виданной человечеством, коммунистическая мысль...

Радищев писал: «Блажен живущий иногда в будущем». Как же счастлив тот, кто не только мысленно живет в будущем, но уже осязает его!

К пленуму правления Союза советских писателей СССР

Ближайшие задачи советской кинодраматургии

И. БОЛЬШАКОВ,
министр кинематографии СССР

Кинодраматургия является самой молодой отраслью нашей литературы. Ее формирование и рост, как самостоятельного литературного жанра, шли вместе с развитием киноискусства. Дальнейший идейно-художественный рост советской кинематографии невозможен без нового под'ема и расцвета кинодраматургии. Это положение особенно наглядно подтверждается работой советской кинематографии за последние два года, прошедшие под знаком претворения в жизнь исторического постановления ЦК ВКП(б) «О кинофильме «Большая жизнь».

Руководствуясь решениями ЦК ВКП(б) по вопросам литературы и искусства, киноработники перестроили свою работу. Все их внимание было сосредоточено на резком повышении идейно-художественного уровня киноискусства, на создании ярких по своей форме и глубоких по идейному содержанию произведений на современные темы.

Бессмертные слова тов. А. А. Жданова о том, что «народ, государство, партия хотят не удаления литературы от современности, а активного вторжения литературы во все стороны советского бытия», являются путеводной звездой для наших кинодраматургов, сценаристов, режиссеров. Смело и уверенно идя по пути, указанному большевистской партией, великим Сталиным, советская кинематография добилась значительных успехов, отмеченных нашим народом, партией и правительством. Такие фильмы, как «Сказание о земле Сибирской», «Сельская учительница», «Подвиг разведчика», «Русский вопрос», «Далекая невеста», «Третий удар», «Молодая гвардия», «Повесть о настоящем человеке», — яркое свидетельство роста нашего киноискусства.

Но, наряду с бесспорными успехами, в работе нашей кинематографии за эти годы были и серьезные творческие неудачи, идейно-политические ошибки. Было выпущено немало посредственных, слабых в идейно-художественном отношении фильмов, подвергшихся в свое время справедливой и резкой критике.

К таким фильмам нужно, в первую очередь, отнести «Поезд идет на восток», «Солистка балета», «Новый дом». Кроме того, в первоначальных вариантах фильмов «Молодая гвардия», «Мичурин» были допущены грубые ошибки.

Успех лучших фильмов об'ясняется прежде всего тем, что они были поставлены по хорошим литературным сценариям Е. Помещикова и Н. Рожкова («Сказание о земле Сибирской»), М. Смирновой («Сельская учительница»), А. Первенцева («Третий удар») и М. Ромма («Русский вопрос»). Отличительной чертой этих сценариев является их глубокое идейное содержание, большевистская партийность, жизненная правдивость и политическая целеустремленность. Вместе с тем это сценарии высоких драматургических достоинств; в них привлекают занимательный сюжет, ярко выписанные образы, глубина психологического рисунка главных действующих лиц, литературный язык.

Совершенно противоположную картину представляют собой сценарии таких неудачных фильмов, как «Поезд идет на восток» (сценарист Л. Малюгин), «Солистка балета» (сценаристы А. Эрлих и А. Ивановский), «Новый дом» (сценарист Е. Помещиков). Основной их порок заключается в безидейности, в искажении нашей действительности, в фальшивом показе советских людей.

Мы живем в эпоху величайших социально-экономических преобразований, в эпоху постепенного перехода от социализма к коммунизму.

Раскрыть в художественных произведениях закономерности этого перехода, становление новых коммунистических общественных отношений, формирование мировоззрения наших людей, активных творцов и строителей коммунистического общества, является главной задачей художников нашего времени.

Советское киноискусство развивается, как искусство социалистического реализма, искусство высоких идей и большевистской целеустремленности.

Нашим кинодраматургам нужно и дальше продолжать и развивать лучшие традиции советской кинематографии, смело браться за разработку самых животрепещущих, самых важных проблем нашей современности, итти в первой шеренге советской литературы.

Советский народ ждет от киноработников новых фильмов, прославляющих героику труда рабочих, колхозников и нашей интеллигенции, самоотверженно претворяющих в жизнь великие идеи сталинской послевоенной пятилетки; фильмов, проникнутых пафосом социалистического строительства, посвященных трудовым подвигам рядовых советских людей.

Но за последние два года, к сожалению, еще очень мало было выпущено фильмов о людях труда, о которых товарищ Сталин сказал: «Рабочие и крестьяне, без шума и треска строящие заводы и фабрики, шахты и железные дороги, колхозы и совхозы, создающие все блага жизни, кормящие и одевающие весь мир, — вот кто настоящие герои и творцы новой жизни». Мастера кино еще не показали в полной мере в своих произведениях созидательный труд рабочих и колхозников, величие их повседневных дел, их новое, коммунистическое отношение к Родине, огромный рост их культурно-политического уровня.

Вот почему центральное место в новом тематическом плане кинематографии должны занимать эти темы. Наряду с этим мы должны уделять большое внимание и созданию фильмов о Великой Отечественной войне, о беспримерных героических подвигах Советской Армии.

Нам необходимы фильмы, разоблачающие поджигателей новой войны; фильмы, показывающие борьбу демократического, антиимпериалистического лагеря, возглавляемого СССР, против мировой реакции.

Большую роль играет кино и в деле популяризации нашей науки и ее выдающихся представителей, прославивших своими трудами и открытиями нашу Родину. Примером этому могут служить фильмы «Пирогов» и «Мичурин».

Отличительной особенностью советского киноискусства является тематическое и жанровое разнообразие его произведений. Большой популярностью и любовью у советских зрителей пользуются кинокомедии. Не случайно поэтому многие лучшие из них, как «Волга-Волга», «Цирк», «Богатая невеста», «Трактористы», «Антон Иванович сердится», «Музыкальная история», «Далекая невеста», «Сказание о земле Сибирской», не сходят с киноэкрана. Их просмотрели миллионы советских зрителей. Но наряду с общепризнанными кинокомедиями, за последние годы было выпущено и немало также плохих, пустых комедийных картин («Небесный тихоход», «Близнецы», «Новый дом», «Беспокойное хозяйство», «Поезд идет на восток» и др.).

Сейчас многие наши сценаристы и режиссеры, ранее работавшие в комедийном жанре, будучи обескуражены постигшими их неудачами, «переключились» на более «надежные» жанры.

Такое «бегство» виднейших комедиографов заслуживает всяческого осуждения. Вместо того, чтобы глубоко проанализировать причины своих неудач и сделать из них необходимые выводы для дальнейшей работы, они капитулировали перед трудностями жанра, что не к лицу советским художникам.

Советские люди очень любят веселые содержательные комедии, искрящиеся остроумием, но они не терпят в них пустого зубоскальства, трюкачества, банальности и не прощают идейной пустоты. Наши комедии должны, как и любое произведение нашего искусства, воспитывать народ в духе коммунизма, прививать ему черты и свойства, присущие человеку нового, социалистического общества.

Высмеивая и изобличая все то, что не укладывается в наши представления о морали, о норме поведения советского человека — невежество, зазнайство, чванство, высокомерие, рвачество, низкопоклонство, раболепие перед растленной буржуазной культурой и другие аморальные, чуждые советскому человеку свойства, кинокомедии будут выполнять свою высокую, благородную воспитательную задачу.

Большим успехом пользуются у наших зрителей и хорошие приключенческие фильмы. Так, например, фильм «Подвиг разведчика» только за один год просмотрело свыше 20 млн. человек. Нам необходимо и дальше всячески развивать этот жанр. При этом нужно помнить, что нашими приключенческими фильмами мы должны воспитывать смелость, находчивость, отвагу, мужество, любовь и безграничную преданность Родине.

До сих пор среди многих писателей широко распространено совершенно неправильное представление о так называемой «специфике» кино. Этот жупел часто отпугивает способных и талантливых писателей от работы для кино. Безусловно, кинодраматургия, так же как и театральная драматургия, имеет свои особенности, являясь, несомненно, одной из трудных форм литературы. Недаром М. Горький писал, что «пьеса—драма, комедия—самая трудная форма литературы».

Какие же требования пред'являются к киносценарию, как литературной основе фильма?

По своей литературной форме киносценарий есть драматургическое произведение. А драма «должна быть актуальна, сюжетна, насыщена действием... Драма должна быть строго и насквозь действенна, только при этом условии она может служить возбудителем актуальных эмоций...» (М. Горький).

К сожалению, многие наши драматурги и сценаристы очень часто еще забывают об этих элементарных требованиях и пишут бессюжетные, повествовательные, аморфные киносценарии.

Некоторые из них склонны даже думать, что наша сегодняшняя действительность не дает возможности для создания киносценариев с острым и занимательным сюжетом, ибо в ней отсутствуют конфликты, которые можно было бы положить в основу драматического сюжета. Такие воззрения являются результатом непонимания законов общественного развития и недостаточно глубокого знания, изучения нашей действительности.

«Наша партия уже давно нашла и поставила на службу социализму ту особенную форму раскрытия и преодоления противоречий социалистического общества (а эти противоречия имеются, и о них философы не хотят писать из трусости), ту особенную форму борьбы между старым и новым, между отживающим и нарождающимся у нас в советском обществе, которая называется критикой и самокритикой», — говорил тов. А. А. Жданов в выступлении на философской дискуссии.

Следовательно, при пристальном изучении нашей действительности художник всегда обнаружит жизненные, правдивые, а не выдуманные и составленные по старым схемам и трафаретам коллизии.

Очень часто авторы сценариев злоупотребляют словом, диалогом, в то время как кинематограф по своей природе динамичен, он не терпит многословия за счет действия, ибо образы и характеры в кинематографе раскрываются прежде всего в действии и поступках героев. Чем экономнее и концентрированнее решаются отдельные сцены, тем интереснее и динамичнее фильм. Как видим, киноискусство не пред'являет к писателям каких-то особых требований, кроме тех, вполне закономерных, которые пред'являются к драматургическим произведениям.

Но кинематография имеет свой счет к Союзу советских писателей. До сих пор в Союзе писателей существует неправильный и даже вредный взгляд на кинодраматургию, как на литературу второго сорта. Конкретное выражение это находит в том, что киносценарии, даже лучшие, как правило, не печатаются в литературных журналах, не обсуждаются и не рецензируются. Правление Союза советских писателей до сего времени совершенно недостаточно руководило работой писателей в кино. И только теперь, впервые за долгие годы, вопрос о кинодраматургии поставлен на обсуждение пленума правления Союза советских писателей.

Такое недостаточно внимательное отношение к кинодраматургии со стороны руководства Союза советских писателей в свою очередь порождает у некоторых писателей и безответственное отношение к работе над сценариями. Они пишут их без предварительного и тщательного изучения материала, неряшливым языком, без учета требований кинодраматургии.

Это положение не может быть терпимо сейчас, когда перед советской кинематографией поставлена задача — резко повысить идейно-художественный уровень выпускаемых фильмов за счет уменьшения их количества, привлечь к работе над сценариями наиболее опытных писателей и сценаристов.

За последние два года резко изменились взаимоотношения киноорганизаций с авторами киносценариев. Если раньше многие сценаристы законно жаловались на множественность инстанций при рассмотрении их работ, то теперь эти инстанции сокращены до минимума и сохранены три организации: дирекция студии, Художественный совет министерства и руководство Министерства кинематографии СССР.

Полностью оправдала себя проводимая за последнее время практика совместной работы сценаристов и кинорежиссеров над литературным и режиссерским сценариями, а также включение в с'емочный коллектив сценаристов.

Примером такой плодотворной совместной работы может служить содружество Н. Вирты и режиссера В. Петрова в их работе над сценарием «Сталинградская битва»; писателя А. Первенцева и режиссера И. Савченко в создании фильма «Третий удар»; драматурга А. Штейна и режиссера А. Роома в создании фильма «Суд чести». Такую практику нужно и в дальнейшем всячески поощрять.

Конечно, этим далеко не исчерпываются все организационно-творческие вопросы, связанные с работой писателей в кино.

Основная и главная задача сейчас состоит в том, чтобы общими усилиями писателей и киноработников еще выше поднять идейно-художественный уровень советского киноискусства и с честью справиться с теми большими и ответственными задачами, которые поставлены перед нашей кинематографией партией, правительством и великим вождем товарищем Сталиным.

Д. ДАНИН

Поэзия в наступлении

1.

Ленин говорил о публицистике, как об «истории современности». Для публицистической поэзии не нужно искать другого определения.

Когда отравленный туман полицейских газов, ползущий по улицам Парижа, и тебе не дает дышать; когда выстрел христианского подлеца у здания парламента в Риме громом отдается и в твоей душе; когда взрывная волна голландско-английской бомбы, в щебень разносящей дом индонезийца, ударяет и в твое сердце; когда петля, затянутая белой американской сволочью на шее негра из Алабамы, сдавливает и твое горло; когда при чтении утренних телеграмм об англо-американском «умиротворении» в Греции кровь бросается тебе в лицо и от бешенства сжимаются кулаки... тогда всем своим существом понимаешь, как рождается гневная поэзия писателя — твоего земляка, побывавшего по ту сторону рубежей нового мира и видевшего эти черты истории современности своими собственными глазами; понимаешь, как превращается эта «чужая» история в историю собственных переживаний, раздумий и действий поэта-коммуниста, твоего товарища; как негодование и вдохновение оказываются синонимами... Словом, до конца понимаешь, как рождается грозная лирика (именно—лирика!) публициста-большевика.

В истории современности много глав. Но все они, в конечном итоге, рассказывают об одном—о том, что все пути в наше время ведут к коммунизму. Одна из этих глав повествует о дорогах, какие избирают в своем стремлении к свободе миллионы «простых людей», живущих в странах, где господствует «его препохабие Капитал».

Страницами этой главы истории современности можно по праву назвать новую книгу стихов Константина Симонова — «Друзья и враги». Она появилась, как результат поездок писателя по Америке, Японии, Англии, Франции, Италии...

Симонов говорит о стихах своей книги, как о записях в путевом дневнике. Но это не обычный дневник. Это рассказы бойца о схватках с врагом. Как у всякого путевого дневника, у этих рассказов есть своя география. Она многообразна в книге Симонова. И она разворачивается перед нами не как описательная география туриста. Это — политическая география борца.

Не заокеанскую экзотику Соединенных Штатов и не восточную экзотику Японских островов, не залитературенные туманы Лондона и не залитературенную беспечность Парижа, не древние развалины Рима и не новейшие развалины Берлина демонстрирует нам поэт. Всюду, и в Америке, и в Азии, и в Западной Европе, он ведет нас «туда, где бой».

Туда, где землю огибая,
В дыму идет передовая...

Он показывает идущую на всех материках борьбу революционных сил с «новым» фашизмом, борьбу за человеческую свободу и социальную справедливость. Мы видим вдохновенные лица друзей и злобные лица врагов.

Эта страстная, партийная книга стихов написана о самом главном, что мог и должен был увидеть советский поэт за пределами своей родной земли и за рубежами стран новых народных демократий.

Мы коммунисты! В этом тайны нет.
Они фашисты. В этом тайны нет.
Без всяких тайн, что мы воюем с ними,
Они же об'явили на весь свет.

2.

Вот мы на митинге в Канаде. Потом — в нью-йоркской гостинице. На банкете в Сан-Франциско. На палубе парохода, плывущего из Америки в Европу. В самолете над Италией. В холодном зале берлинского театра. На парижских бульварах. В японской деревушке севернее Токио. На дипломатическом обеде в Лондоне.

Казалось бы, трудно вообразить себе что-нибудь более мирное, чем вестибюль гостиницы или палубу пассажирского парохода, летний бульвар или сцену театра!.. Ведь это не баррикады?

...Но пойдите на мирный митинг в «тихой» провинциальной Канаде, и вы увидите в первых трех рядах темного зала безнаказанно развалившихся в креслах неофашистских молодчиков — «злобных, сытых, молодых, в плащах, со жвачками в зубах». Не думайте, что они явились сюда из праздного любопытства. Они пришли освистать этот митинг в защиту мира. И вы поймете поэта, который признается:

Мне зал напоминал войну.
А тишина — ту тишину,
Что обрывает первый залп.

И ненависть к поджигателям новой войны заставит вас подняться на трибуну этого мирного митинга, стать рядом с вашим товарищем, поэтом мирной страны, и поддержать его гневную речь, как поддерживают друга в бою. Это, в самом деле, боевая речь:

Ее начало, как прыжок
В атаку, чтоб уже не лечь...

И вы испытаете ни с чем не сравнимое удовлетворение, когда услышите, что в ответ на этот несущийся в темный зал страстный призыв к миру, через головы фашистских молодчиков, через их «молчащие ряды»

Вдруг, как обвал, как вал воды,
Как сдвинувшаяся гора,
Навстречу рушится «ура!»

Это голос наших друзей.

Да, это — борьба, борьба против тех, кто хочет войны! И силы мира в этой борьбе неодолимы.

...Пройдите вместе с поэтом через вестибюль мирной гостиницы в Нью-Йорке. Если рука об руку с вами будет итти негритянская учительница, которая должна сопровождать вас в поездке по черным кварталам этого «демократического» города, вы увидите, как будет в ярости глазеть на вас, «вывертывая головы», скопище американских расистов, достойных соперников Гитлера. И с тем же гневом и с той же твердой решимостью, что и поэт, вы повторите его слова:

Мы шли втроем навстречу глаз свинцу,
Шли, взявшись под руки, через расстрел их,
Шли трое красных через сотни белых,
Шли, как пощечина, по их лицу.

Вы поймете, что злобная ненависть этих расистов ко всякому проявлению человеческого братства порождена не просто тупым высокомерием белокожих варваров, но вызвана страхом мечтающих о мировом господстве бизнесменов перед великой революционной идеей коммунистического интернационализма.

Так мирный вестибюль американской гостиницы тоже оказывается плацдармом борьбы: здесь, как и всюду, противостоят друг другу в решительной схватке силы реакции и силы народного демократизма.

Константин Симонов делает нас участниками боевых эпизодов этой борьбы, где бы мы ни появились вместе с ним. Всюду невидимая, но реально ощутимая баррикада разделяет два лагеря!

Симонов умно заключает свою книгу стихотворением «Красная площадь»... К Москве, к «центру мира», в полночь сходятся сердцами все, кто борется за торжество свободы на земле:

Им оттуда ехать всем немыслимо,
Даже если храбрым путь не страшен,
Там дела у них, и только мыслями
Сходятся они у этих башен.

Так в этой книге идея интернационального единства коммунистов сливается с глубоким чувством патриотической преданности советского человека родной земле— родине коммунизма.

3.

В книге Константина Симонова нельзя не увидеть следы несомненного и плодотворного влияния «американских стихов» Маяковского. Это влияние не внешне! Книга Симонова — прекрасный пример творческого продолжения традиций великого поэта.

Более двух десятилетий прошло с той поры, когда Маяковский совершал свое «открытие Америки», когда он совлекал бутафорский «демократический» костюм с «американской бабы-свободы, прикрывшей задом тюрьму Острова Слез». Он уже предвидел то время, когда «Соединенные Штаты сообща станут последними вооруженными защитниками безнадежного буржуазного дела...»

Но не только это произошло в мире за минувшие двадцать лет. Неизмеримо возросла мощь Страны Советов. Бесконечно выросло влияние нашей державы на ход современной истории. Вдохновляющий пример двухсотмиллионного многонационального народа — не это ли самый страшный для мировой реакции итог прошедших десятилетий!

...Двадцать лет назад негр Вилли, изображенный Маяковским в «Блек энд уайт», не знал, что только коммунисты и только советские люди смогут ответить ему на вопрос о его человеческих правах, о путях к социальной справедливости... Сегодня негритянка из «Красного и белого» К. Симонова «всею болью души и сердца» верит в нас, советских людей, как носителей правды.

Константин Симонов вносит новое историческое содержание в «старую» тему, казалось бы, исчерпывающе разработанную великим мастером революционной поэзии. Стихи Симонова не могли появиться ни двадцать лет назад, ни до войны. Они принадлежат сегодняшнему дню и смотрят в завтрашний день современной истории.

Волевые, бьющие в упор, неотразимо точные по мысли, стихи этой книги проникнуты той революционной страстью, какую завещал нашей поэзии Маяковский. Мы вспоминаем его гневный пафос, когда читаем «Красное и белое», его негодующую сатиру, когда читаем «Речь моего друга Самеда Вургуна на обеде в Лондоне», его мужественную нежность, когда читаем стихотворение «Немец» (в котором легко узнается образ замечательного певца, антифашиста Эрнста Буша)...

Все лучшее, особое, симоновское, что отличало военную лирику поэта, с новой силой звучит в этих послевоенных стихах... Может быть, самое главное и самое сильное в поэтической публицистике Константина Симонова заключается в том, что он нашел пути глубокого, внутреннего, неразделимого слияния острой обобщающей политической мысли и своей сокровеннейшей лирической взволнованности. В этих стихах невозможно отделить изображаемое поэтом событие от переживания, которое вызывает оно в его душе; невозможно отделить анализирующую мысль поэта от чувств, которые владеют им... Всего этого нельзя продемонстрировать на цитатах: это то, что придает симоновским стихам внутреннюю цельность. Это то, что и нас, читателей, заставляет взволнованно воспринимать эти стихи—и сердцем, и разумом одновременно, неразделимо!

Нередко еще в нашей публицистической поэзии мы слышим голос холодной риторики и встречаем умозрительные построения там, где хотим услышать голос живого сердца и найти страстную мысль, рожденную истинным знанием жизни и реальным «переживанием истории». Лучшие стихи новой книги Симонова привлекают нас своим окрыленным реализмом, абсолютной подлинностью, убеждающей достоверностью. Соблазны звонкой и легкой декламации «по поводу...» побеждены в этих стихах силой «весомого, грубого, зримого» реалистического изображения той борьбы, вдохновенным участником которой выступает перед нами автор.

Я сказал о победе реализма над риторикой... Казалось бы, не велика заслуга для такой мощной и всепобеждающей силы, как реализм: противник-то уж очень хрупок, он только рядится под богатыря! Разумеется, это верно. Все дело лишь в том, что это становится ясным именно тогда, и только тогда, когда победа уже одержана, когда реализм, действительно, воочию обнаруживает свою мощь. К. Симонову это удалось. Он не просит нас верить ему на слово, когда он разоблачает заокеанских гитлеровцев или, наоборот, признается в братской дружбе с немцем—коммунистом, некогда раненным в Испании... Поэт берет нас с собой на поле боя с врагом или приводит на свидание с другом. И мы уже не можем оставаться безучастными к его рассказу. Это и есть сила реализма, сила ясного, достоверного и одухотворенного изображения жизни поэтом-коммунистом, живущим «на переднем крае» эпохи.

4.

Константин Симонов стремился в своей книге к энергичной выразительности стиха. Он ясно чувствовал, что поэтическая «гладкопись» может только заморозить живое горение его мысли. Он искал разнообразия в ритмах, отбрасывал привычные «поэтизмы», старался писать как бы «обнаженным смыслом», каждому слову придавая весомость и важную роль в контексте. И, несомненно, книга «Друзья и враги» отражает существенный рост мастерства Симонова-поэта.

...Наш разговор с ним, очень длинный,
трезвый,
Со стороны, наверно, был похож
На запечатанную пачку лезвий,
Где до поры завернут каждый нож.

Это—изображение вынужденно-вежливого разговора с врагом на банкете в Сан-Франциско. Так исчерпывающе ясно, резко и лаконично К. Симонову не часто удавалось писать прежде. А в книге «Друзья и враги» эта энергичная, мастерская выразительность уже не свойство отдельных строф или стихотворений, а признак самого стиля книги.

Но не всегда поэту удается с успехом достичь своей цели. Поиски стремительно разворачивающейся емкой фразы иногда приводят Симонова к таким затрудненным построениям строф и к такой корявости синтаксиса, что стихи вместо желаемой энергии приобретают очевидную бесформенность... «Не слыша слов обрывки их (?), самих почти не видя их...» «Мы молча встали с ним из-за стола тем (?), кем (?) и сели за него—врагами...» «Нет одиночества сильней, чем ехать (!) между (?) дикарей...»

Бывает так, что слабости и погрешности в иных стихах нетребовательных поэтов надежно спрятаны за внешним гладеньким «благополучием» их непритязательного стиля. Тогда пороки незаметны просто потому, что они неотличимы от общего серого и невыразительного фона. Но есть стихи, мощные по своему звучанию, «сильные духом», задевающие человека за живое. Таковы стихи книги «Друзья и враги». Но чем очевидней их выдающиеся достоинства, тем ощутимей все слабое и недоработанное, что находишь в них.

У К. Симонова хватило сил на широкий размах в большом искусстве и недостало сил на безупречность в малом ремесле. Можно было бы, конечно, сказать: «Победителя не судят!» Однако, эта древняя мудрость вряд ли помогает достижению новых побед, законченных успехов, которых все мы вправе ожидать от сильного, умного и одаренного поэта.

Константин Симонов. «Друзья и враги». Книга стихов. «Новый мир», № 11. 1948.

Вера ИНБЕР

О равнодушии

НАШЕ правительство принимает все меры для сохранения лучших созданий национального зодчества, заботится об увековечении памяти писателей, прославивших свою Родину. А люди с равнодушным сердцем безмятежно взирают на то, как ветшают и разрушаются исторические здания, вырубаются памятные сады.

Историко-литературные места в большинстве своем взяты под охрану и превращены в государственные музеи. Но кое-где к этому относятся чисто формально, как к докучному «мероприятию».

Обо всем этом красноречиво говорят письма, полученные «Литературной газетой». В них—беспокойство, горечь, тревога.

Видные представители нашей интеллигенции—Н. Семашко, Б. Греков, С. Герасимов, Г. Кржижановский, М. Нечкина, Б. Иофан и другие—прислали открытое письмо Комитету по делам архитектуры.

«Недалеко от Москвы,—пишут они,—в селе Уборы, Звенигородского района, находится старинная церковь, изумительная по композиции и красоте обработки.

Это творение крепостного мастера Якова Бухвостова — уникальный памятник московского барокко.

Мы с болью следим, как на наших глазах разрушается не охраняемое никем создание гениального русского художника.

Здание уже дало глубокие трещины, сквозь которые просачивается вода. Своды расшатаны. Кровля купола сильно повреждена. Каменный пол взломан. Кирпич, из которого сложены стены, разбирается на печи и фундаменты. Двери церкви запираются только тогда, когда в ней хранят сено. Любой прохожий может унести «на память» резной цветок из белого камня или кусок иконостаса.

Нигде не видно даже обязательной таблички, которая бы оповещала, что здание находится под охраной.

Мы хотим спросить Комитет по делам архитектуры и отдел по охране памятников старины: чем об'яснить такое безобразное отношение к одному из лучших произведений русского искусства?»

Студент-филолог Б. Лондон скорбит по поводу прекрасной старинной церкви в бывшем имении Голицына, близ села Дубровицы, Московской области.

«Здание запущено и заброшено, попусту гибнет без присмотра»—пишет тов. Лондон.

Музей-усадьба в Муранове, неподалеку от Москвы, связан с именами Боратынского и Тютчева. Ежегодно Мураново посещают тысячи экскурсантов.

Но заботы работников музея обращены только на внутреннюю обстановку дома, которая, действительно, содержится в образцовом порядке. Территория же усадьбы никем не охраняется. Можно подумать, что Тютчев никогда не выходил из своего дома, не гулял по этим аллеям, не любовался деревьями, не отдыхал в их тени. Группа научных работников Москвы — тт. Балабанович, Панкратова, Шелапутин, Асафьев с горечью сообщают о состоянии усадьбы в Муранове.

«Плотина большого пруда почти разрушена, пруд накануне полного высыхания. Березовая роща, насаженная Боратынским, вырублена. Луг перед домом Тютчева распахан под огород. Большая часть парка одичала, дорожки заросли, мостик растащен на топливо.

Требуется немедленное вмешательство советской общественности. Пора положить конец разрушению Мурановской усадьбы».

В апреле этого года в газете «Орловская правда» была напечатана статья писателя Е. Горбова «Об этом нельзя молчать», в которой говорилось, что «до сих пор не принято никаких мер по очищению от хлама и мусора живописного места около дома Калитиных, опоэтизированного Тургеневым в «Дворянском гнезде». Не сделан ремонт и в разрушающемся домике Лескова.

Ответственный секретарь этой газеты тов. Загорулько нам пишет, что хотя «исполняющий обязанности председателя горисполкома тов. Малютин выступление газеты принял к сведению, мер никаких не принято». Характерно это «принял к сведению», добавим мы от себя. Для человека с равнодушным сердцем главное — это «принять к сведению» и присовокупить это к другим, таким же «принятым к сведению» и забытым сообщениям.

Имя прекрасного советского писателя Александра Малышкина хорошо известно нашему народу. Книги его знают и любят. И только на родине Малышкина, в селе Мокшан, Пензенской области, память о нем угасла.

Об этом пишет тов. Лихачев: «Дом, где родился и жил А. Малышкин, занят под квартиры и постепенно приходит в ветхость. Ничем не ознаменована и память писателя. Его книги не найдешь в районной библиотеке. У нас так и говорят: «Москва Малышкина признает, а Мокшан не желает».

Работник треста «Главгеология» тов. Тархов сообщает в своем письме, что Иркутский горсовет не принимает никаких мер для сохранения могил декабристов и известного землепроходца, «русского Колумба» Шелехова.

Заслуженный деятель искусств А. Скибневский в своем письме обвиняет ульяновские областные организации в преступном равнодушии к историко-литературным памятникам.

«В усадьбе поэта Н. М. Языкова уничтожаются старинные постройки и прекрасный парк, который посещал А. С. Пушкин. На старом ульяновском кладбище зарастает бурьяном могила поэта Д. Минаева. Запроектированный памятник Денису Давыдову в селе Радищево не воздвигнут. Только скромная мемориальная доска на доме, где жил И. А. Гончаров, напоминает о кровной связи автора «Обрыва» с Ульяновском...»

Не только горечь, но и негодование испытываешь при чтении всех этих писем.

Нельзя допускать, чтобы из-за людей с равнодушным сердцем гибли и разрушались дорогие нам памятники отечественной культуры. Надо сделать все необходимое, чтобы заботы о них были не только «приняты к сведению», но и проведены в жизнь.

В. МЕДОВ

Декабрь в Праге

В эти декабрьские дни Прага, весной и летом утопающая в цветах, выглядит так же нарядно и шумно. Уже открылись елочные базары. По вечерам на площадях зажигаются рождественские елки. Жители столицы Чехословакии готовятся к Новому году — еще более радостному, чем уходящий, обещающему много успехов и счастья.

Из Брно, Братиславы, Моравской Остравы, Кладно, Жилины и других промышленных центров поступают данные о досрочном выполнении производственных заданий. Страна заканчивает осуществление двухлетнего плана восстановления и развития народного хозяйства. Металлургическая промышленность уже полностью выполнила «двухлетку».

Эти два года—первые годы жизни республики по плану — были началом новой истории Чехословакии. Это были годы исторической борьбы между старым и новым миром, закончившейся полной победой нового общественного строя, победой плановой системы хозяйства.

Ныне трудящиеся Чехословакии с гордостью подводят итоги своего труда и борьбы. За время, минувшее после освобождения страны Советской Армией, сделано многое.

После февраля 1948 года, когда народ изгнал из правительства агентов внутренней и международной реакции, хозяйство Чехословакии стало развиваться быстрыми темпами. За первые десять месяцев нынешнего года план выполнен на 102,1 процента. По предварительным данным, план ноября тоже перевыполнен. Таким образом, к концу года производство на душу населения в промышленности возрастет, как это предусматривал двухлетний план, более чем на 20 процентов по сравнению с довоенным временем.

После первой мировой войны Чехословакия столкнулась с огромным ростом безработицы. Так, например, в 1919 году в стране насчитывалось 250 тысяч безработных, в 1923 году их было уже 500 тысяч, а в годы экономического кризиса эта цифра увеличилась в несколько раз. Кроме того, непрерывно снижалась заработная плата трудящихся. Словом, происходило то, что происходит сейчас в странах Западной Европы, попавших в смертельные тиски «плана Маршалла».

Народно-демократическая Чехословакия не знает безработицы. Наоборот, страна испытывает недостаток в рабочей силе, наличие которой позволило бы еще быстрее восстанавливать и развивать народное хозяйство.

До февраля в Праге издавались газеты и журналы, которые пытались доказать выгодность «плана Маршалла». Но трудящиеся Чехословакии хорошо разобрались в том, что кроется за этим планом.

В Праге есть большой машиностроительный завод, носящий имя украинской деревни Соколово. Деревня эта знаменита в Чехословакии тем, что во время войны здесь, плечом к плечу с советскими воинами, впервые вступила в бой чехословацкая часть. Рабочие завода, присвоившие своему предприятию имя деревни Соколово, идут в шеренге передовиков выполнения двухлетнего плана.

— Мы добились бы гораздо больших успехов, — рассказывали мне профсоюзные работники завода, — да американцы своими «плановыми бомбардировками» помешали. Почти перед самым освобождением Праги Советской Армией, когда война фактически уже была закончена, на наш завод налетели американские самолеты, разбомбили некоторые цехи. Пришлось потратить много сил на их восстановление. Теперь эти цехи полностью вошли в строй.

Успехи чехословацкого народа особенно ярки на безотрадном фоне жизни европейских стран, попавших в ловушку американского капитала.

Недавно Чехословакию посетила делегация профсоюзов Италии.

— Мы побывали на многих заводах и фабриках Чехословакии, — говорил руководитель делегации, депутат итальянского парламента Франческо Моранино.—Жизнь в Чехословакии представляет совершенно противоположную картину тому, что происходит в Италии. На нашу страну распространяется так называемый «план Маршалла». Поэтому в Италии господствуют нищета и всеобщее беспокойство. У нас сейчас два с половиной миллиона безработных. Экономика страны переживает серьезный кризис, который грозит трудящимся дальнейшим ростом безработицы и нищеты, и, наконец, полной потерей независимости Италии...

Сейчас трудящиеся Чехословакии деятельно готовятся к новому 1949 году — первому году первой чехословацкой пятилетки. Огромны и величественны задачи пятилетнего плана реконструкции и развития народного хозяйства Чехословакии на 1949—1953 годы. Промышленное производство увеличится к концу пятилетки на 57 процентов, в том числе металлообрабатывающей промышленности на 93 процента, энергетической — на 52, черной металлургии — на 49, текстильной и швейной промышленности — на 68 процентов. Предусматривается значительный рост продукции сельского хозяйства. К концу пятилетки тракторный парк государственных и кооперативных машинно-тракторных станций будет насчитывать 45.000 тракторов. В среднем на один трактор придется 125 гектаров пахотной земли. Пятилетний план предусматривает значительный рост культуры, повышение материального благосостояния трудящихся, развитие науки и техники.

— Наш пятилетний план, — заявил премьер-министр Антонин Запотоцкий, представляя парламенту законопроект о пятилетнем плане, — мы будем выполнять без кабальных иностранных кредитов. Мы могли бы получить кредит по «плану Маршалла», но наш народ не желает получать такие займы, которые лишили бы его политической самостоятельности и экономической независимости. Мы восстанавливаем и развиваем наше народное хозяйство без американских кредитов и иностранной кабалы.

Чехословацкий народ рассчитывает на собственные силы, на бескорыстную помощь со стороны СССР, на укрепление экономических связей со странами народной демократии. Народы Чехословакии смело смотрят в будущее.

Поездка в Москву чехословацкой правительственной делегации, возглавляемой премьер-министром Антонином Запотоцким, по общему убеждению, распространенному в Праге, сыграет важную роль в деле укрепления дружбы между Советским Союзом и Чехословакией.

Следует напомнить, что в эти дни исполняется пятилетие договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Чехословацкой республикой, подписанного в Москве 12 декабря 1943 года. Этот договор явился важнейшим историческим этапом в развитии советско-чехословацких отношений. Скрепленный кровью народов Советского Союза и Чехословакии, сражавшихся бок о бок против общего врага, он заложил крепкие основы для послевоенного сотрудничества двух стран. За истекшие пять лет это сотрудничество крепло с каждым днем. Советский Союз не ограничился освобождением Чехословакии от немецких захватчиков. Он помогает устранять последствия военных разрушений, укреплять индустриальную мощь Чехословацкой республики.

Крепнущая дружба и сотрудничество СССР и Чехословакии, успешное завершение первого в Чехословакии хозяйственного плана и перспективы пятилетки рождают твердую уверенность в торжестве дела мира, прогресса и дружбы между народами. Атмосфера оптимизма и уверенности в завтрашнем дне царит в эти прекрасные декабрьские дни в Чехословакии.

ПРАГА. Декабрь

Джон Лоусон обвиняет

В мае нынешнего года американский прогрессивный киносценарист, литературовед и историк Джон Говард Лоусон был приговорен судом за «нелойяльность» к 1 году тюремного заключения. Самый факт «нелойяльности» засвидетельствован таким очагом мракобесия и фашизма в США, как комиссия Томаса—Ренкина. Печатаемый нами отрывок из книги прогрессивного американского журналиста Гордона Кана «Голливуд перед судом» ярко и убедительно рисует картину издевательского допроса Лоусона в комиссии и полное политического достоинства поведение этого представителя передовой интеллигенции США перед лицом распоясавшихся американских жандармов.

Отрывок печатается с некоторыми сокращениями.

Первое и единственное требование Джона Говарда Лоусона к комиссии заключалось в предоставлении ему той же привилегии, которая была предоставлена многочисленным свидетелям обвинения, допрошенным до него, — права сделать предварительное заявление.

Копия этого заявления была вручена Томасу, который только взглянул и в ужасе отодвинул ее. Другие члены комиссии выглядели не менее потрясенными...

«Я больше не хочу читать это заявление, — сказал Томас. — Заявление не будет прочитано. Я прочел первую строку».

Лоусон напомнил ему: «Вы целую неделю чернили меня перед американским народом и вы отказываетесь разрешить мне сделать заявление о моих правах, как американского гражданина».

Стало очевидно, что с Лоусоном не так легко сладить. Он настаивал на том, что будет формулировать ответы так, как это хочется ему, а не так, как хочется комиссии.

Томас: «Г-н Лоусон, вам придется прекратить это, или же вы покинете трибуну. И вы покинете трибуну, потому что вы проявляете пренебрежение. А если вы просто пытаетесь вынудить меня заявить, что вы проявляете пренебрежение, то вам для этого не нужно много усилий. Вам известно, что случилось с многими людьми, которые проявляли пренебрежение к комиссии в этом году. Не так ли?»

Лоусон: «Я рад, что вы заявили совершенно ясно, что вы собираетесь угрожать и запугивать, г-н председатель».

Председатель застучал молотком.

Лоусон: «Меня не так легко запугать, и не думайте, что вы меня запугали».

Последовал ряд вопросов со стороны следователя Стриплинга относительно работы Лоусона над фильмами, а затем следователь холодно и язвительно спросил: «Г-н Лоусон, являетесь ли вы сейчас или были ли вы когда-либо членом коммунистической партии Соединенных Штатов?»

«Вопрос о коммунизме никоим образом не связан с этим расследованием, которое представляет собой попытку получить контроль над кино и нарушить основные права американских граждан во всех областях», — заявил Лоусон.

Томас застучал молотком и продолжал стучать им все время, пока Лоусон отвечал, и поэтому не весь ответ был слышен присутствовавшим.

Томас попытался снова задать вопрос мягким, сдержанным тоном: «Г-н Лоусон, самый уместный вопрос, который мы можем задать, это вопрос о том, являлись ли вы когда-либо членом коммунистической партии? Соблаговолите ли вы сейчас ответить на этот вопрос?»

Стриплинг пожаловался: «Г-н председатель, свидетель не отвечает на вопрос».

Томас: «Мы намерены добиться ответа на этот вопрос, даже если бы нам пришлось просидеть здесь целую неделю. Являетесь ли вы членом коммунистической партии или были ли вы когда-либо членом коммунистической партии?»

Лоусон: «Очень печально и трагично, что мне приходится учить комиссию основным принципам американ...»

Ему не дал договорить стук председательского молотка и возглас Томаса, повторившего все тот же вопрос. Председатель решил не ждать недели. «Уходите с трибуны... Служители, уведите этого человека с трибуны»,—заявил он.

Полиция со всех концов зала набросилась на Лоусона.

Обширный список показаний, которые комиссия Томаса собрала против Лоусона, включал такие в высшей степени «предательские акты», как составление стандартного учебника по драматургии, написание ряда пользовавшихся успехом пьес и еще большего числа удачных сценариев. Лоусона обвиняли также в том, что он выступал против избрания Томаса Дьюи, против линчевания и за избрание на третий и четвертый сроки Франклина Д. Рузвельта.

Ему было приписано членство в организациях, рассчитанных на защиту прав организованных рабочих и меньшинств. Он выступал в пользу закона об обеспечении справедливого найма рабочей силы и против избирательного налога. Очень часто он писал статьи на политические темы. Но он избирал для опубликования своих «подрывных» статей такие издания, как «Нью мэссес» и «Дейли уоркер».

Приводим заявление Джона Лоусона комиссии, отвергнутое потому, что председателю не понравилась его первая фраза:

«В течение недели эта комиссия проводит незаконный и непристойный суд над американскими гражданами, которых она избрала для того, чтобы публично чернить и позорить. Я нахожусь здесь не для того, чтобы защищаться или отвечать на это нагромождение лжи, которое обрушилось на меня; мне кажется, юристы называют такой материал довольно мягко «показаниями, основанными на слухах». У американского народа для этого есть более короткое наименование: грязь. Разумные люди не спорят с грязью.

Нет. Нельзя спорить с грязью. Но вы пытаетесь установить, откуда она исходит, и остановить этот зловонный поток, прежде, чем он поглотит вас и других. Непосредственный источник очевиден. Так называемые «показания» исходят от группы шпионов, жадных до рекламы фигляров, агентов гестапо, платных информаторов, неврастеников и нескольких невежественных и запуганных актеров Голливуда.

Эти люди не имеют значения. Как отдельная личность я тоже не имею значения. Тот очевидный факт, что комиссия старается уничтожить меня лично и в профессиональном отношении лишить средств к существованию и, что гораздо дороже для меня, — моей чести американца, приобретает значение только потому, что это открывает путь к такому же уничтожению любого гражданина, которого комиссия решит ликвидировать.

Я хочу говорить здесь, как писатель и как гражданин.

Неудивительно, что писатели и художники избраны в качестве об'екта поношения. Писатели, художники, ученые, деятели просвещения всегда являются первыми жертвами нападок со стороны тех, кто ненавидит демократию. На писателе лежит особая ответственность—служить демократии, содействовать свободному обмену идеями, и я горд тем, что меня избрали в качестве об'екта нападок люди, которые по собственному признанию, занесенному в протокол, явно стремятся удушить идеи и установить цензуру над средствами общения.

Мои политические и социальные взгляды хорошо известны, моя глубокая вера в кинематографию, как народное искусство, также хорошо известна. Я не «протаскиваю идеи» на экран. Я никогда не заключаю контракта на написание сценария до тех пор, пока не убеждаюсь в том, что данная картина послужит делу демократии и интересам американского народа. Я никогда не допущу, чтобы то, что я пишу и думаю, должно было быть одобрено самозванными диктаторами, честолюбивыми политиканами, жестокими гестаповцами или какой бы то ни было другой формой цензуры, которую может попытаться навязать эта комиссия по расследованию антиамериканской деятельности. Моя свобода писать и выступать не продается в обмен на удостоверение, подписанное Дж. Парнеллом Томасом и гласящее: «Годен для использования впредь до особого уведомления».

Таким образом, моя честность, как писателя, безусловно является неот'емлемой частью моей честности, как гражданина. Как гражданин, я здесь не одинок. Я не только один из тех, которым были присланы повестки. Я вынужден выступить здесь, как один из представителей 130 миллионов американцев, потому что незаконное поведение этой комиссии связало меня с каждым гражданином. Если меня можно уничтожить, то ни один американец не может чувствовать себя в безопасности.

Я не хочу сказать, что Дж. Парнелл Томас играет роль заправилы в этом деле. Он мелкий политикан, служащий более могущественным силам. Эти силы стремятся ввести фашизм в нашей стране. Они знают, что единственный способ заставить американский народ отказаться от своих прав и свобод состоит в том, чтобы изобрести воображаемую угрозу и запугать людей...

Каждому человеку, знающему историю, хорошо знакомы методы захвата диктаторской власти. Сфабрикованные обвинения против «красных», «коммунистов», «врагов закона и порядка» неоднократно пред'являлись на протяжении веков. В каждом случае, начиная от Звездной палаты в Англии Стюартов до поджога рейхстага в нацистской Германии, эти обвинения относились ко всем, кто сочувствовал демократии, в каждом случае эти обвинения оказывались лживыми, в каждом случае этими обвинениями пользовались для прикрытия насильственного захвата власти.

...Американский народ сумеет ответить на эти нападки. Он сплотится, как всегда сплачивался в защиту своего права, полученного от рождения».

Рис. Бор. ЕФИМОВА

ЗА РУРСКИМ СТОЛОМ

ИЗ ИНОСТРАННОЙ ПЕЧАТИ

ЛЮДОЕД С ДИПЛОМОМ

Наряду с нейлоновыми чулками, обильно засылаемыми по «плану Маршалла», Дания начинает получать из-за океана «идеологический товар» в виде фашистской человеконенавистнической пропаганды.

Возвратившаяся недавно из «научной» командировки в Америку врач Герта Хартман начала публичные нападки на «неполноценных» датчан, которые «размножаются гораздо быстрее, чем полноценные». К «неполноценным» Хартман в первую очередь относит малоимущее население и порицает его за «недостаток чувства ответственности, мешающий ограничить рождаемость».

На страницах газеты «Нашональтиденде» датская выученица современных американских розенбергов высказывает недовольство тем, что современная наука борется с эпидемиями, «наводившими порядок, как только становилось слишком много людей на земле», и предлагает правительству принять меры к сокращению населения. Она рекомендует принять «закон, согласно которому все люди в известный период своей жизни (например, в 14—15 лет) должны будут являться к специально подготовленным врачам, могущим путем психоанализа установить степень их умственного развития. Тот, кто не выдержит испытания, будет кастрирован»...

Трупный запах Розенберга, принесенный Маршаллом из-за океана, распространяется и над Данией!

Юрий ГЕРМАН

ТЕНЬ МЮНХЕНА

Идут осенние, гнилые, длинные дожди. Сырой ветер рябит лужи на темных мюнхенских улицах. В пивных, как когда-то, как в давние, казалось, невозвратимые времена, можно рассесться вокруг столика, заказать светлого пива, поболтать на темы тоже, казалось, невозвратимые. Это ничего, что дороги американские сигареты «Честерфилд» и «Олд-Голд», это ничего, что в животе урчит от пива, выпитого на полуголодный желудок, это ничего, что пьяный янки ненароком расшибет на улице морду, или ушипнет родную дочь, или вломится ночью в квартиру и прикажет всем танцевать в честь американского президента. Это все ничего. Есть зачем терпеть. Есть чего ждать.

С крепкими шеями, с узкими оловянными глазами, с лицами, потрепанными, но уже наглыми, с зализанными волосами — совершенно такие, как десять лет тому назад, они сидят в пивных и вспоминают вслух. Да и почему не вспоминать? В сущности, оно даже и не возбраняется. Только не надо говорить об американцах и англичанах. Обо всем остальном можно. Впрочем, и об англичанах с американцами можно, разумеется, в благодарственных тонах, немножко снизу вверх, немножко с благоговением, но все-таки это свои парни, почему же не чокнуться, не перемигнуться, не сказать:

— За справедливость, ребята. За вашего генерала Клея. Вы слышали насчет Ильзы Кох?

Столики сдвигаются. Мордатые, сытые, скучающие янки — бизнесмены в униформах — слушают. А герр Мюллер, с обвислыми щеками, в морщинах, герр Мюллер, родившийся в Мюнхене и вступивший в нацистскую партию тоже в Мюнхене, герр Мюллер, истоптавший своими сапожищами Францию и Украину, Бельгию и Грецию, Африку и Норвегию, герр Мюллер, прикомандированный к СС, герр Мюллер, едва унесший ноги из Сталинграда, этот герр Мюллер, ставший на время, только на время, герром Клюгге, этот герр Мюллер-Клюгге рассказывает. Ему есть что рассказать.

— Вы знаете, ребята,—начинает он, — что Ильза Кох, жена коменданта концентрационного лагеря Бухенвальд, была приговорена к пожизненному заключению только за то, что она сдирала с трупов заключенных кожу, а из кожи делала переплеты, абажуры для ламп, портмоне, дамские сумочки?

Янки оживились. Глаза перестали быть сонными.

Абажуры из кожи? Это интересно. Это отличный сувенир. Кроме того, это можно хорошо продать. В Штатах есть люди, которые ничего не пожалеют, чтобы иметь такой сувенир. Ну и что же Ильза Кох?

Ильза Кох освобождена из-под стражи добрым генералом Клеем. Англо-саксонский критерий справедливости не позволяет доказать, что Ильза Кох была целиком виновата в убийствах и пытках бухенвальдских заключенных.

А журналисты в Берлине еще что-то пытаются узнать насчет протестов против смягчения приговора. Генерал Клей их хорошо отбрил. «Я никому не уступлю, — сказал генерал Клей. — Дело Ильзы Кох закончено и демократическое общественное мнение ничему тут не поможет. До свиданья».

Янки слушают. Им наплевать на все эти подробности. Им нужен бизнес. А его можно сделать. И хороший бизнес.

— Вот что, — говорит один из американцев. — А куда девались все эти абажуры и переплеты?

Клюгге отвечает.

— В том-то и дело, — рассказывает он, — в том-то и дело, что «вещественные доказательства» исчезли из дел американской армии. Ваши власти недавно заявили, что все абажуры, переплеты, портмоне и сумочки были взяты вашими офицерами в качестве сувениров. Все. Понимаете? До одного. И дело, таким образом, больше не существует.

— Мне нужен такой абажур, — говорит железным голосом американский бизнесмен в форме капитана, — или переплет. В крайнем случае портмоне. Расплата в долларах, можно консервы, кофе, сигареты, шоколад.

Немцы переглядываются.

Некоторые вещички можно достать, но все-таки... не будет ли это слишком неосторожно?

Янки улыбается. Он понимает, о чем они думают. Дурачье! Бизнес есть бизнес. И он об'ясняет Клюгге, что такое бизнес.

Для начала такого дела капитан посылает солдата за бутылкой виски. Потом появляется еще бутылка. Молодцы американцы. Вот давеча, здесь же в Мюнхене, генерал Гальдер, бывший начальник германского генерального штаба, был признан судом по денацификации невиновным. Сумасшедший прокурор требовал заключения генерала в лагерь на три года с конфискацией тридцати процентов имущества. Разве таких людей можно заключить под стражу? Это же нужный человек!

— Кому нужный? — спрашивает капитан-бизнесмен.

— Вам! — отвечает Клюгге. — И нам тоже. Такими людьми нельзя бросаться. Это «железная воля». Он нас поведет.

И Клюгге подмигивает. Он умеет подмигивать. Сколько раз в пивных старого Мюнхена они все перемигивались таким образом. Подмигиванием можно было спросить: «Вы готовы?» И подмигиванием они отвечали: «Все в порядке. Кастеты в карманах. Есть огнестрельное оружие. У нас хорошие кулаки. Мы сделаем все, что надо».

— Гальдер—большой человек, — продолжает Клюгге. — Вот сейчас вы создали «Черную гвардию». Мы занимаемся у ваших инструкторов, на ваших полигонах, мы проходим тактику уличного боя, на всякий случай, потому что эти рабочие еще не понимают цели и задачи нашего общего с вами пути. Нам, для нашей гвардии, нужны такие генералы, как Гальдер.

— Вы его и получите, — говорит капитан. — Можете быть уверены. Вы получите своего Гальдера. Кстати, ваша «Черная гвардия» — это то же, что у нас «Американское действие». Мой брат там состоит. Это настоящие парни — наши легионеры. У них есть чему поучиться.

— У ваших легионеров?—спрашивает костистый немец с заячьей губой.—У ваших сусликов? Да они еще и на свет не родились, когда мы тут, в Мюнхене, крушили нашими палками всю эту рвань, всех этих болтунов и демократов. Вы, а не мы должны учиться!

Капитан улыбается. Конечно, он мог бы дать в ухо этому наглому штурмовику. Но зачем? Для чего? У них, по существу, одни и те же задачи.

Разговор становится общим. Почему и не поговорить в дождливый вечер. Маленький немец с огромными плечами и руками душителя, глядя ясными глазками в лицо сосущего трубку янки, об'ясняет ему, что такое «Черный фронт» и кто создатель этой заново родившейся организации.

— Он сейчас у вас в Канаде, — говорит плечистый, — его зовут Отто Штрассер. Задачи «Черного фронта» нынче — борьба против красного коллективизма, против плановой экономики, за частную собственность. Вы видели наши листовки?

И он кладет на стол узкие листики бумаги с черными словами: «Смерть коммунистам», «Хайль план Маршалла».

— Среди попов тоже есть толковые ребята, — кричит Клюгге. — Поп Леппих заявил в католической организации «Рабочей молодежи», что хаос в Германии может быть преодолен только казармами, землянками и кровью. Выпьем за попа Леппиха. И выпьем за фюрера Штрассера. Он напечатал в газете, что третья война неизбежна и что англо-саксы в один прекрасный день обратятся к нам с призывом начать вооружение Германии.

— Мы даром хлеб не едим! — кричит плечистый.

— И если пошло на чистоту, — вдруг бьет кулаком по столу заячья губа, — если говорить совершенно на чистоту, то вы бы могли нас содержать получше. Уже наступило время, когда нас следует кормить досыта. Когда заварится каша, то пойдем мы первыми, а вы будете сзади вместе с вашими англичашами. А я уже ходил в ту сторону и знаю, во что это обходится. До сих пор не верю, что жив.

Они курят, кричат и пьют. Потом, по темным, сырым улицам, почти наугад они плетутся в какой-то «салон», который обещал американцам Клюгге-Мюллер. Там они выпивают по стаканчику и по другому и садятся поболтать. Больше всех знает заячья губа. От возбуждения и от выпитого алкоголя, от нахлынувших воспоминаний и от ненависти оловянные глаза его вдруг начинают поблескивать страшноватым светом. Вытирая лицо и шею платком, ни на кого не глядя, он говорит отдельные фразы, и все слушают его странную речь, его брань, его дикие фразы.

— Это случилось со мной в России,— говорит он, — медики не могут понять, в чем дело. Я начал потеть. Вот я делаюсь ни с того ни с сего мокрым, как мышь. Мы жили полгода в болотах под Ленинградом, и потом это со мною сделалось. Но ничего! Янки кладут все силы, чтобы парализовать русских в ООН. Это не очень удобно, так сразу, Георг VI все-таки подарил меч городу Сталинграду. Вчера мне попался номер «Нейшнл геральд», там обо всем об этом написано.

— Нам найдется работа в первом эшелоне, — сипит заячья губа. — Сейчас они сбивают еще один блок, атлантический. И в Руре дела идут не так плохо. Папаша Динкельбах не пойдет на попятный, я помню, как он приезжал сюда вместе с фюрером; теперь он вызволит из тюрьмы Фрика, Рехлинга и Круппа, и мы всерьез начнем заниматься нашим углем. А пройдет еще немного времени, мы займемся нашими делами. Кое-кого тут пора убрать. Мюнхен должен быть городом чистым... Если вы помните, то именно так говорил фюрер. У нас есть практика и есть традиции, мы можем сделать кое-что совершенно без всякого шума.

Немцы поднимают стаканы с американским золотисто-коричневым бренди и чокаются все сразу. И пока стаканы соединены, заячья губа говорит негромко:

— Хайль! Не надо забывать, что мы живем в Мюнхене. Пусть тень нашего города упадет на весь мир.

Под утро они выходят на улицу. Заплетаясь ногами, построившись шеренгой, они идут и орут песню.

— Снять шапки! — вдруг кричит заячья губа. — Здесь мы начинали.

И все восемь человек снимают фуражки, кепи и шляпы перед еще закрытой пивнухой.

— Вы молодцы! — слышат они голос за своими спинами: — Вы молодцы!

Восемь человек оборачиваются. На тротуаре стоят двое штатских с зонтиками, в котелках. Это князь Эрнест фон Липпе и князь Фридрих фон Мекленбург.

— О! — говорит Клюгге-Мюллер счастливым голосом. — О!—От восторга он ничего больше не может сказать.

— Мы еще увидимся, — прощается фон Липпе. — Мы еще встретимся.

— Кто это? — спрашивает американский капитан, когда двое в котелках уходят.

— Это большие люди,—пришепетывая от восторга, говорит Мюллер, — это князья, а фон Липпе — бывший генерал СС, их судили и выпустили. Подумаешь — обвинение: они сжигали евреев...

Потом в переулке они упражняются в строевой подготовке. Сначала янки, потом немцы. Они маршируют и щелкают каблуками, козыряют, выпячивая подбородки, и немцам не нравится, как «работают» янки. Неподалеку стоит американский солдат и смотрит. Рядом с солдатом два пожилых немца, рабочие-водопроводчики, в старых комбинезонах, с мешком, в котором лежат инструменты. Они переглядываются. Все это похоже на дурной сон.

— А было время, когда мы думали, что все это уже кончилось навсегда, — говорит один водопроводчик.

— Кончилось?—спрашивает солдат. — Если бы кончилось...

— Кончится, кончится, — твердо говорит другой водопроводчик. — Ведь мир-то стал другим. А это ходят трупы. Страшные трупы. И те, кто старается их оживить, тоже готовят себе могилу.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ, Л. ШАУМЯН.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни — К 3-37-34, международной жизни — К 4-64-51, науки и техники — К 4-60-02, информации — К 3-19-30, отдел писем — К 0-62-91, Издательство — К 5-09-66, К 0-36-84

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б—04213.